

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российский государственный гуманитарный университет

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Санкт-Петербургский государственный университет

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Конференция состоится
в Российском государственном гуманитарном университете
по адресу:
Москва, ул. Чайнова, 15
Ауд. 273, 228, 517 (корпус 6)
ауд. 600 и 601 (корпус 3)

СТЕНЫ И МОСТЫ – VII

Междисциплинарность:
что от историка требует,
что дает и что у него берет?

*Материалы
Международной
научной конференции*

Москва, 24–25 мая 2018 г.

Москва
2018

УДК 930
ББК 63я43
С79

Организационный комитет

Г.Г. Ершова, *д-р ист. наук, проф.*
А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*
Л.Н. Мазур, *д-р ист. наук, проф.*
Б.Н. Миронов, *д-р ист. наук, проф.*
О.В. Павленко, *д-р ист. наук, проф.*
И.М. Савельева, *д-р ист. наук, проф.*
Ю.Н. Смирнов, *д-р ист. наук, проф.*
Е.А. Долгова, *канд. ист. наук* (отв. секретарь)

Ответственный редактор
И.Н. Косиченко

Публикация материалов конференции подготовлена
при поддержке гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00454)

ISBN 978-5-7281-2050-6

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2018

Содержание

Программа конференции	11
Тезисы докладов	26
Алипов П.А. Популяризация древней истории в эпоху Великой российской революции: «Рождение Римской империи» М.И. Ростовцева	27
Андросова А.А. Психология портретируемого: повседневная Россия в фотографиях (начало XX века)	29
Антонова И.Б. Образ власти в пространстве медиа: экскурс в историю президентского дискурса	31
Аринов А.Г. Психология войны: формирование образа врага в сознании красноармейцев	33
Артамонова Л.М. Гендерный поворот провинциальной школы в середине XIX века: социальные факторы и последствия	35
Афанасьев А.Н. «Недостающее звено»: происхождение человека как естественнонаучный аргумент в исторической концепции Б.Ф. Поршнева	37
Барышева Е.В. Осмысление революционных событий в исторических публикациях 1920–1930-х гг.	39
Беспятова Е.Б. Российская экономическая мысль 1920-х годов как индикатор экономики будущего	40
Бондарева-Кутаренкова Т.С. Дореволюционное правописание или «революционное кривописание»: орфография как политический идентификатор прессы русской эмиграции первой волны	42
Борисова Г.А. Подводные исследования в пещере Танках (Мексика)	44
Бороздина Н.О. От истории к философии университета: мост в будущее	45

Бродский Ю.И. Математическое моделирование межкультурных отношений	47
Валеева Н.Т. От голкипера к вратарю: конкуренция англо- и русскоязычной футбольной лексики в досоветской, советской и постсоветской России	49
Валькова О.А. Равноправие в науке: плюсы и минусы или процесс трансформации женщины-любителя наук в научного сотрудника в 20-е гг. XX в.	50
Васильева Л.Н. Анализ механизмов социальной эволюции: системный подход ...	52
Володин А.Ю. Датафикация исторических исследований: между 'data' и 'capta'	54
Гайдук В.Л. Виртуальные архивы: между археографией и digital humanities	57
Гришина Н.В. Быть ли диссертации? Экспериментальные поиски российских университетов в 1920-е гг.	58
Долгова Е.А. Педагогические проекты В.М. Бехтерева (1918–1925)	59
Емельянова Н.М. Роль общественного деятеля и антрополога И.Т. Беляева в изучении индейских народов Парагвая, их защите и социальной адаптации	61
Ершова Г.Г. О различиях между социальным механизмом культурной революции и социальной технологией эрац-культурной революции	62
Культурная революция как фактор трансформации антропосистемы.....	63
Ершова Г.Г., Вепрецкий С.В., Секачева Д.С. Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas». Особенности междисциплинарного исследования	65
Железова Н.П. Первые мероприятия по решению проблемы детской беспризорности в постреволюционный период (1918–1926 гг.)	66

Жидченко А.В.	Родильные дома в СССР в 1950–60-е гг: пространство гендерной истории и истории повседневности	68
Запольская Н.Н.	Междисциплинарный подход к изучению истории лингвистической рефлексии	70
Ибраева Ю.И.	Человек XVIII века в пространстве семейной коммуникации.....	71
Илизаров Б.С.	Биография политика как фактор географии (на примере биографии Сталина)	73
Иллерицкая Н.В.	Советская историческая наука 1920-х гг. в пространстве современной российской историографии	75
Каиль М.В.	Православная биографика: персональный план религиозной повседневности советской эпохи	77
Карасев Д.Ю.	Историческая социология и социальная история.....	79
Кобозева З.М.	Выстрел в помощника исправника, или Moda на революцию: повседневные практики мещан в революции в свете междисциплинарных исследований»	82
Королева М.В.	Голос человека XVII в. в грамотах русских воевод: практика присяги с позиций интерпретативной антропологии	84
Косован Е.А.	Слависты вне закона. К вопросу о кризисе отечественного славяноведения в 1920-е гг.	86
Красовицкий П.И.	Исторический сторителлинг 2.0: сериал для смартфонов про 1968 год	88
Лахути Л.Г.	Имена собственные в классической персидской поэзии: проблемы перевода	89
Леонтьев Б.Б.	Интеллектология – наука об интеллектуальных измерениях	90

Лукьянов Д.В.	Дивергентные сферы современных научных революций: медиография и историография в коалиции медиумов современности	92
Лярский А.Б.	Междисциплинарность как неизбежность: исследование солдатского песенника Первой мировой войны	94
Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.	«Вещный поворот» vs источниковедение в гуманитаристике рубежа XX–XXI вв.	96
Метель О.В.	Некоторые особенности институциональной структуры советской исторической науки 1920-х гг.	98
Миронов Б.Н.	Когнитивные процессы и их влияние на поведение русских крестьян начала XIX – начала XX в.	100
Мистрюгов П.А.	Репрезентация истории Самары в цифровом пространстве в контексте формирования ее историко-культурных брендов	102
Мишина Е.М.	Унификация данных в работе с «большими данными» на примере wiki-проекта «Открытый список»	104
Мухин О.Н.	«Над кем смеетесь?»: К методологии анализа социокультурной роли смеха в историческом исследовании.....	105
Насиров И.Р.	«Самое бессмертное и ценное в человеческой жизни – это мысль»: научная деятельность Н.Д. Кондратьева в условиях тюремного заключения	107
Округин Д.Н.	«История и психология». Взгляды авторов периодических изданий в США на голод в российской империи в 1891–1892 гг.	109
Олешкевич Е.В.	Первые воспоминания в автобиографиях евреев Российской империи: попытка историко-психологического анализа	111
Павленко Е.Р.	Мультимедийный лонгрид против сайта: сравнение способов репрезентации результатов исследования со сложной проблематикой	113

Пачкалов А.В. Монеты как источник по социальной истории Золотой Орды	115
Пчелов Е.В. Имя «Александр» в русской династической истории и культуре XVIII–XIX вв.	117
Рижинашвили А.Л. Фундаментальная экология и природоохранная практика в период тоталитарного строя в СССР: историко-научный анализ взаимодействия науки и режима	118
Романовский Н.В. Социология + история – зоны взаимообогащения	120
Рубцов А.А. Социальные сети революционного движения в России 1870-х годов в материалах следственных дел	122
Савельева И.М. Интеллектуальная история в XXI веке. Экспресс-анализ	124
Самокиш А.В. Между естествознанием и краеведением: взаимодействие ученых разных специальностей на экскурсионных станциях Петрограда	125
Синельникова Е.Ф. Революционная повседневность научных обществ Петрограда ...	126
Слискова В.В. Популяризация открытий биомедицины в 1920-е гг.	128
Смирнов Ю.Н. Модернизация социальной и культурной памяти провинциального дворянства в середине XIX в.: от артикуляции к литературе, из семьи на публику	130
Собисевич А.В. «Конструктивная география»: новое направление об изучении и преобразовании природной среды в Советском Союзе	132
Соболев В.С., Синельникова Е.Ф. Журнал «Мысль» в контексте возрождения русской философии в начале 1920-х гг.	134
Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: новая экспериментальная площадка отечественной гуманитаристики?	136

Сукина Л.Б. Междисциплинарность в исследованиях истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени	137
Тихонов В.В. М.В. Нечкина и русская интеллектуальная революция первой трети XX в.	139
Фадеева М.В. Дневники умирающих: опыт реконструкции и попытка экзистенциального анализа	140
Федорова Л.Л., Яковлева С.А. Образы женщины в диахронии и межъязыковых сопоставлениях (по лексикографическим источникам).....	141
Харитонов А.М. Историческая география или географическая история?	143
Хивинова Д.А. Международные проекты по защите детства в Гватемале	145
Ходнев А.С. «Недисциплинированная» междисциплинарность: публичная история и ее практики	146
Холматов Т.К. Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевской	148
Черная Л.А. Повседневная жизнь первых царей из дома Романовых: междисциплинарный анализ	150
Чеснокова Н.А. «Между строк»: значение географических трудов в определении культурно-исторического развития Кореи в XVII–XVIII вв. (на примере «описания избранных деревень» (<i>тхэгниджжи</i> , 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?)	152
Шальгина Н.В. Междисциплинарный дискурс этногендерных исследований в России	154
Шустова Ю.Э. Славянские названия месяцев в украинских печатных книгах XVII в.	156
Patricia Rivera Castillo Prácticas Ceremoniales en las Tierras Bajas Mayas, Guatemala	158

ПРОГРАММА

24 мая, четверг

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

10.00–10.30 Торжественное открытие

10.30–13.30 Пленарное заседание

Модератор: Андрей Сергеевич Усачёв

Аудитория 228

Галина Гавриловна Ершова, *Российский государственный гуманитарный университет*

О различиях между социальным механизмом культурной революции и социальной технологией эрзац-культурной революции

Борис Николаевич Миронов, *Санкт-Петербургский государственный университет*

Когнитивные процессы и их влияние на поведение русских крестьян начала XIX – начала XX в.

Николай Валентинович Романовский, *Российский государственный гуманитарный университет*

Социология + история – зоны взаимообогащения

Ирина Максимовна Савельева, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*

Интеллектуальная история в XXI веке: экспресс-анализ

Евгения Андреевна Долгова, *Российский государственный гуманитарный университет*

Семилетие «Стен и мостов»: итоги и перспективы

13.30–14.30 Обеденный перерыв

16.30–16.45 Кофе-брейк (*аудитория 228*)

Площадка

**Образ имени и образ языка
в историческом преломлении**

Модератор: Людмила Львовна Федорова

Аудитория 228

14.30–18.00

Наталья Николаевна Запольская, *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Междисциплинарный подход к изучению истории лингвистической рефлексии

Евгений Владимирович Пчелов, *Российский государственный гуманитарный университет*

Имя «Александр» в русской династической истории и культуре XVIII–XIX вв.

Лейла Гасемовна Лахути, *Российский государственный гуманитарный университет, Институт востоковедения Российской академии наук*

Имена собственные в классической персидской поэзии: проблемы перевода

Татьяна Сергеевна Бондарева-Кутаренкова, *Российский государственный гуманитарный университет*

Дореволюционное правописание или «революционное кривописание»: орфография как политический идентификатор прессы русской эмиграции первой волны

Нина Тимофеевна Валеева, *Российский государственный гуманитарный университет*

От голкипера к вратарю: конкуренция англо- и русскоязычной футбольной терминологии в досоветской, советской и постсоветской России

Юлия Эдуардовна Шустова, *Российский государственный гуманитарный университет, Российская государственная библиотека*

Славянские названия месяцев в украинских печатных книгах XVII в.

Людмила Львовна Федорова, *Российский государственный гуманитарный университет*

Светлана Анатольевна Яковлева, *Национальный автономный университет Мехико*

Образы женщины в диахронии и межъязыковых сопоставлениях (по лексикографическим источникам)

Ирина Борисовна Антонова, *Российский государственный гуманитарный университет*

Образ власти в пространстве медиа: экскурс в историю президентского дискурса

Площадка

**Человек прошлого
на междисциплинарном пограничье**

Модератор: Ирина Максимовна Савельева

Аудитория 273

14.30–18.00

Антон Николаевич Афанасьев, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*

«Недостающее звено»: происхождение человека как естественнонаучный аргумент в исторической концепции Б.Ф. Поршнева

Ильфат Рифкатович Насиров, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*

«Самое бессмертное и ценное в человеческой жизни – это мысль»: научная деятельность Н.Д. Кондратьева в условиях тюремного заключения

Темурмалик Комилджонович Холматов, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевой

Марина Владимировна Королева, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Голос человека XVII в. в грамотах русских воевод: практика присяги с позиции интерпретативной антропологии

Юлия Игоревна Ибраева, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Человек XVIII века в пространстве семейной коммуникации

Екатерина Валерьевна Олешкевич, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Первые воспоминания в автобиографиях евреев Российской империи: попытка историко-психологического анализа

Алемжан Галымжанович Аринов, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Психология войны: формирование образа врага в сознании красноармейцев

Марина Владиславовна Фадеева, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Дневники умирающих: опыт реконструкции и попытка экзистенциального анализа

Площадка

Культура данных и гуманитарные исследования

Модератор: Андрей Юрьевич Володин

Аудитория 517

14.30–16.30

Андрей Юрьевич Володин, *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*
Датафикация исторических исследований: между «data» и «capta»

Екатерина Максимовна Мишина, *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*
Унификация данных в работе с «большими данными» на примере wiki-проекта «Открытый список»

Екатерина Руслановна Павленко, *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*
Мультимедийный лонгрид против сайта: сравнение способов репрезентации результатов исследования со сложной проблематикой

Павел Алексеевич Мистрюгов, *Самарский государственный медицинский университет*
Репрезентация истории Самары в цифровом пространстве в контексте формирования ее историко-культурных брендов

Владислава Леонидовна Гайдук, *Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО»*
Виртуальные архивы: между археографией и digital humanities

Павел Ильич Красовицкий, *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*
Исторический сторителлинг 2.0: сериал для смартфонов про 1968 год

Молодёжная площадка

**Мастерская историка:
как сделать науку интересной?**

Модератор: Дарья Андреевна Хивинова

*Аудитория 228
18.00–20.00*

Дарья Андреевна Хивинова, *Российский государственный гуманитарный университет*
Международные проекты по защите детства в Гватемале

Галина Александровна Борисова, *Российский государственный гуманитарный университет*
Подводные исследования в пещере Танках (Мексика)

Дмитрий Николаевич Округин, *Череповецкий государственный университет*
«История и психология» взгляды авторов периодических изданий в США на голод в Российской империи в 1891–1892 гг.

Анастасия Андреевна Андросова, *Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева*
Психология портретируемого: повседневная Россия в фотографиях (начало XX в.)

Наталья Павловна Железова, *Российский государственный гуманитарный университет*
Первые мероприятия по решению проблемы детской беспризорности в постреволюционный период (1917–1926)

Валерия Викторовна Слискова, *Российский государственный гуманитарный университет*
Популяризация открытий биомедицины в 1920-е гг.

25 мая, пятница

ВТОРОЙ ДЕНЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Расписание кофе-брейков

Аудитория 228 (корпус 6, главный)

13.00–13.30

15.30–16.00

Аудитория 600 (корпус 3)

15.30–16.00

Площадка

Системные подходы в гуманитарных науках

Модератор: Галина Гавриловна Ершова

Аудитория 600

11.30–15.30

Галина Гавриловна Ершова, *Российский государственный гуманитарный университет*

Культурная революция как фактор трансформации антропосистемы

Леся Николаевна Васильева, *Российский университет транспорта (МИИТ)*

Анализ механизмов социальной эволюции: системный подход

Борис Борисович Леонтьев, *ООО Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса*

Интеллектология – наука об интеллектуальных измерениях

Наталия Валентиновна Шалыгина, *Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук*
Междисциплинарный дискурс этногендерных исследований в России

Юрий Игоревич Бродский, *Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» Российской академии наук*
Математическое моделирование межкультурных отношений

16.00–18.00

Презентация проекта

La casa de las Golondrinas
(Russia–Guatemala)

Аудитория 600

Галина Гавриловна Ершова

Дарья Сергеевна Секачева

Сергей Викторович Вепрецкий

Российский государственный гуманитарный университет

Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas».

Особенности междисциплинарного исследования

Patricia Rivera Castillo, *Centro de estudios mayas “Yuri Knórozov”,
Guatemala*

Prácticas Ceremoniales en las Tierras Bajas Mayas Guatemala

Площадка

История и социальные науки

Модератор: Борис Николаевич Миронов

Аудитория 228

10.30–14.00

Дмитрий Юрьевич Карасев, *Российская академия государственной
службы и народного хозяйства при Президенте РФ*

Историческая социология и социальная история

Олег Николаевич Мухин, *Томский государственный педагогический
университет*

«Над кем смеетесь?»: К методологии анализа социокультурной
роли смеха в историческом исследовании

Александр Владимирович Пачкалов, *Финансовый университет при Правительстве РФ*

Монеты как источник по социальной истории Золотой Орды

Людмила Борисовна Сукина, *Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН*

Междисциплинарность в исследованиях истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени

Людмила Михайловна Артамонова, *Самарский государственный институт культуры*

Гендерный поворот провинциальной школы в середине XIX в.: социальные факторы и последствия

14.00–15.30

Презентация книги

Александр Борисович Лярский

«ПРОСТИТЕ, ДОРОГИЕ ПАПА И МАМА»

Родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами

в России конца XIX – начала XX века

СПб.: Крига, 2018

Аудитория 228

Площадка

«История и социальные науки»

(продолжение работы)

Аудитория 228

16.00–18.00

Юрий Николаевич Смирнов, *Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва*

Модернизация социальной и культурной памяти провинциального дворянства в середине XIX в.: от артикуляции к литературе, из семьи на публику

Алексей Андреевич Рубцов, *Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге*

Социальные сети революционного движения в России 1870-х гг. в материалах следственных дел

Александр Борисович Лярский, *Высшая школа печати и медиа-технологий СПбГУТД*

Междисциплинарность как неизбежность: исследование солдатского песенника Первой мировой войны

Александр Сергеевич Ходнев, *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского*

«Недисциплинированная» междисциплинарность: публичная история и ее практики

Площадка

Российская наука 1920-х гг.: экспериментальное пространство отечественной гуманитаристики

Модератор: Евгения Андреевна Долгова

Аудитория 273

10.30–13.00

«Экспериментальная наука»:
постановка проблемы

Елена Владимировна Барышева, *Российский государственный гуманитарный университет*

Осмысление революционных событий в исторических публикациях 1920–1930-х гг.

Марина Юрьевна Сорокина, *Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына*

Российское научное зарубежье: новая экспериментальная площадка отечественной гуманитаристики?

Ольга Александровна Валькова, *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Равноправие в науке: плюсы и минусы или процесс трансформации женщины-любителя наук в научного сотрудника в 20-е гг. XX в.

Елена Борисовна Беспятова, *Московский технологический университет*

Российская экономическая мысль 1920-х гг. как индикатор экономики будущего

Наталья Владимировна Иллерицкая, *Российский государственный гуманитарный университет*

Советская историческая наука 1920-х гг. в пространстве современной российской историографии

13.30–15.30

«Экспериментальная наука»: исследовательский ответ

Виталий Витальевич Тихонов, *Российский государственный гуманитарный университет, Институт российской истории Российской академии наук*

М.В. Нечкина и русская интеллектуальная революция первой трети XX в.

Павел Андреевич Алипов, *Российский государственный гуманитарный университет*

Популяризация древней истории в эпоху Великой российской революции: «Рождение Римской империи» М.И. Ростовцева

Надежда Михайловна Емельянова, *Российский государственный гуманитарный университет, Институт российской истории Российской Академии наук*

Роль общественного деятеля и антрополога И.Т. Беляева в изучении индейских народов Парагвая, их защите и социальной адаптации

Евгения Андреевна Долгова, *Российский государственный гуманитарный университет*

Педагогические проекты В.М. Бехтерева (1918–1925)

16.00–18.00

«Экспериментальная наука»:
дисциплинарный ответ

Ольга Владимировна Метель, *Омский государственный университет*

Некоторые особенности институциональной структуры советской исторической науки 1920-х гг.

Владимир Семенович Соболев

Елена Федоровна Синельникова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Журнал «Мысль» в контексте возрождения русской философии в начале 1920-х гг.

Анна Викторовна Самокиш, *Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Между естествознанием и краеведением. Взаимодействие ученых разных специальностей на экскурсионных станциях Петрограда

Елена Анатольевна Косован, *Российский государственный гуманитарный университет*

Слависты вне закона. К вопросу о кризисе отечественного славяноведения в 1920-е гг.

Наталья Владимировна Гришина, *Челябинский государственный университет*

Были ли диссертации? Экспериментальные поиски российских университетов в 1920-е гг.

Площадка

**Теоретическое пространство
междисциплинарных исследований**

Модератор: Дмитрий Викторович Лукьянов

Аудитория 517

10.30–12.00

Дмитрий Викторович Лукьянов, *Российский государственный гуманитарный университет*

Дивергентные сферы современных научных революций: медиография и историография в коалиции медиумов современности

Сергей Иванович Маловичко, *Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево), Российский государственный гуманитарный университет*

Марина Федоровна Румянцева, *НИУ «Высшая школы экономики», Российский государственный гуманитарный университет*
«Вещный поворот» vs источниковедение в гуманитаристике рубежа XX–XXI вв.

Надежда Олеговна Бороздина, *Российский государственный гуманитарный университет*

От истории к философии университета: мост в будущее

Площадка

**История повседневности
как поле междисциплинарности**

Модератор: Зоя Михайловна Кобозева

Аудитория 517
12.30–15.30

Зоя Михайловна Кобозева, *Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва*

Выстрел в помощника исправника, или Мода на революцию: повседневные практики мещан в революции в свете междисциплинарных исследований

Людмила Алексеевна Черная, *Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств*

Повседневная жизнь первых царей из дома Романовых: междисциплинарный анализ

Елена Федоровна Синельникова, *Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Революционная повседневность научных обществ Петрограда

Максим Владимирович Каиль, *Смоленский государственный университет*

Православная биографика: персональный план религиозной повседневности советской эпохи

Александр Владимирович Жидченко, *Ассоциация молодых исследователей «Институт исследований социальной памяти»*

Родильные дома в СССР в 1950–60-е гг.: пространство гендерной истории и истории повседневности

Площадка

«История и география»

Модератор: Алексей Владимирович Собисевич

Аудитория 517

16.00–18.00

Александр Михайлович Харитонов, *Тихоокеанский институт географии ДВО РАН*

Историческая география или географическая история?

Наталья Алексеевна Чеснокова, *Российский государственный гуманитарный университет*

«Между строк»: значение географических трудов в определении культурно-исторического развития Кореи в XVII–XVIII вв. (на примере «Описания избранных деревень» (*тхэнниджи*, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?))

Александра Львовна Рижинашвили, *Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Фундаментальная экология и природоохранная практика в период тоталитарного строя в СССР: историко-научный анализ взаимодействия науки и режима

Алексей Владимирович Собисевич, *Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова*

«Конструктивная география»: новое направление об изучении и преобразовании природной среды в Советском Союзе

Борис Семёнович Илизаров, *Институт российской истории Российской академии наук*

Биография политика как фактор географии (на примере биографии Сталина)

18.00

Подведение итогов конференции

Тезисы докладов

Алипов Павел Андреевич

канд. ист. наук, доц.

*Российский государственный
гуманитарный университет*

(Москва)

palipov@mail.ru

Популяризация древней истории
в эпоху Великой российской революции:
«Рождение Римской империи» М.И. Ростовцева

События Великой российской революции оказали существенное влияние на все сферы жизни нашей страны, на долгие годы вперед став своеобразным пунктом отчета в истории тех или иных общественных явлений и процессов. Гуманитаристика, всегда чуткая к подобного рода социальным трансформациям, сразу же откликнулась целым рядом внутренних модификаций и перестроек. И речь в данном случае идет вовсе не о возросшей политической ангажированности историков, социологов, филологов и представителей иных профессиональных сообществ ученых. В настоящем докладе хотелось бы затронуть более глубокие вопросы, касающиеся онтологических оснований функционирования научного знания, порассуждать о новых формах, которые сумели найти в то время российские интеллектуалы для того, чтобы сделать свои исследования более доступными и интересными для широкого читателя в условиях меняющейся социальной реальности.

Показательным примером вспыхнувшей в среде ученых-гуманитариев тяги к популяризации результатов своих научных изысканий можно считать небольшую, но яркую монографию выдающегося отечественного антиковеда М.И. Ростовцева «Рождение Римской империи» (1918 г.), выросшую из ряда исторических очерков, печатавшихся им в журнале «Вестник Европы» начиная с лета 1917 г. «Не скрою, что опубликовать, в первую очередь, мои мысли о рождении Римской империи побудили меня происходящие события, которые заставили меня буквально пережить при новом чтении источников события столетней гражданской мировой войны», – признавался историк в предисловии к своему труду.

Однако кажущаяся очевидность ситуации представляется обманчивой. Чего здесь больше: желания поделиться своими мыслями о политических событиях, происходивших в России, а когда-то в древнем Риме, или же стремления обосновать доступным языком специфическую научную позицию? Если последнее верно, то в чем эта позиция заключается? Вокруг этих вопросов нам и хотелось бы выстроить свое выступление на предстоящем круглом столе.

Андросова Анастасия Андреевна
*магистр II курса исторического факультета
Самарского национального исследовательского
университета им. С.П. Королева
(Самара)
aleksandr-anastasia@mail.ru*

Психология портретируемого: повседневная Россия в фотографиях (начало XX века)

Фотография, как визуальный исторический источник, обладает целым рядом специфических особенностей. Ролан Барт в своей монографии «Camera lucida» отмечает, что видит в позировании что-то ненастоящее и неискреннее. «Ощущение при позировании неаутентичности, поддельности. Мы никогда не честны перед объективом. Мы фабрикуем своё тело, своё лицо». Данную операцию дешифровки источника, то есть учёт постановочности героев фотографий, безусловно, следует учитывать при атрибутировании фотоисточников. Подход к изучению визуальных источников может быть только синтетическим, это история на грани с психологией.

С точки зрения исторической науки мы пытаемся выяснить, что значил поход к фотографу у людей того времени, для того, чтобы быть объективными при изучении фотоматериала. Ведь поход к фотографу, особенно в первые годы, был неким ритуалом, действием прямо-таки исторического порядка, особенно для людей, которые находились где-то внизу социальной лестницы. Впрочем, и для средних классов это тоже было характерно, – поход к фотографу требовал особой подготовки, особой прически, специальной одежды, настроения, сосредоточенности.

Современниками она была воспринята поначалу как апофеоз «нового» видения, научно-рационального и беспримесно-объективного. «Пластинка дагерротипа бесконечно точнее живописного полотна, – восхищается Э.А. По. – Обычное произведение искусства, рассмотренное под сильным микроскопом, утрачивает всякое сходство с природой, – но даже самое пристальное вглядывание в фотографическое изображение выявит нам лишь тем более абсолютную правдивость, тем более совершенное соответствие

образа представленному явлению». Константин Павлович Головкин, самарский купец, покупает себе автомобиль, чтобы иметь возможность выезжать на нем за город и писать этюды, однако уже очень скоро он отказывается от этой идеи и обращается к фотографии, понимая что так он успеет «захватить» тот момент на Волге, который «ускользает» от его кисти. Позже, придя домой в свой кабинет, он пишет этюды с фото.

С точки зрения психологии фотография не только фиксирует случайно пойманные или продуманные кадры, но и оставляет право на бесконечную трактовку, на созидательный процесс познания. Психология фотографии сразу делится на психологию портретируемого и психологию фотографа, выделяются два равных участника процесса. Р. Бартес выделяет такой термин, как «плоская смерть» – достоверность присутствия, создание истории. Люди фотографируются для запечатления знаковых моментов в их жизни и расширения их. Знаковый момент спустя много лет может быть реинтерпретирован родственниками или изучающими фотографию. С точки зрения психологии важен процесс «узнавания» на фотографиях как особенность человеческой памяти.

В настоящее время не прекращается полемика: можно ли рассматривать фотографию как исторический источник, который передает быт таким, каким он был, ведь на фотографиях люди «ненастоящие», а такие, какими бы они хотели быть. Со стремлением к раскрытию и психологического подтекста запечатленного на снимке связано и распространение жанровой фотографии – съемки сцен и картин из повседневной жизни людей, бытовых сценок, с помощью которых происходит проникновение в духовный мир как самих моделей, так и автора через показанные события. Главное на таких снимках – человек в определенном состоянии или в действии, соответствующий сюжет с его участием. Последний охватывает определенный отрезок времени, который имеет свое начало и завершение, то есть своего рода процесс.

Альф Людке считает, что атрибутировать визуальные источники можно, только рассматривая совместно с остальными источниками и в сравнении с другими фотографиями. Соответственно если рассматривать фотографию вкуче с остальными визуальными историческими источниками, а также обращаясь к смежным наукам, мы можем получить полноценное историческое исследование.

Антонова Ирина Борисовна

канд. пед. наук, проф.

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

heidel@rambler.ru

Образ власти в пространстве медиа: экскурс в историю президентского дискурса

Процессы медиатизации, происходящие в современном мире, не могли не отразиться на политической коммуникации в целом и на традиционно риторическом характере президентского дискурса в частности. Значимость трансформаций, претерпеваемых президентским дискурсом под воздействием медиа, настолько велика, что выступает в качестве одной из наиболее острых тем теоретического и прикладного научного исследования. В настоящей работе мы ограничились рассмотрением лишь вопросов медиатизации политической коммуникации в условиях медиасреды; анализа риторических характеристик современного дискурса власти (публичность, медийность, виртуальность); выявления прямой зависимости риторических трансформаций президентского дискурса от воздействия на него массмедиа (сдвиг риторики правления в сторону предвыборной риторики; изменение соотношения убеждающих стратегий в президентском дискурсе – «от логоса к пафосу»).

Политическая коммуникация (далее – ПК) как смысловое взаимодействие, в процессе которого постоянно происходит соединение частного в интересах общего, носит открытый, динамичный, изменчивый, постоянно уточняющий (как бы «притирочный») интерпретативный характер. Именно такие характеристики ПК отмечаются в настоящее время в ряде теорий и методологических подходов к ней (концепция саморазвивающихся систем Н. Лумана, теория социальных полей П. Бурдьё, теория переговорного процесса Р. Люика, Дж. Литтерера и др.). Отдельного внимания заслуживает концепция власти в информационном обществе Мануэля Кастельса, получившая свое развитие в 90-е гг. XX в. и в рамках которой мы попытаемся рассмотреть ПК.

Основным признаком современного общества Кастельс считает его коммуникативность, а именно: способность информации

к преодолению любых геополитических границ в условиях медиапространства.

В рамках этого постулата Кастельс предполагает, что ПК – это, с одной стороны, циркуляция информации между политической и социальной системами (в связи с их открытостью и стремлением к взаимопроникновению), а с другой – (1) производство; (2) распространение и (3) регулирование политических идей в общественном пространстве с помощью медиа. При этом обмен информацией предполагает диалог, цель которого – достижение политического согласия, а обмен идеями – борьбу, цель которой – победа одних идей над другими.

Дискурс власти, а в контексте нашего доклада – президентский дискурс (далее – ПД), полагает наличие в нем некоторой идеи, которая находит свое языковое воплощение в новых, переосмысленных на политический лад понятиях и концептах: «война с бедностью» у Л. Джонсона, «ось зла» у Рейгана, «кризисы» у Кеннеди, «освоение космоса и целины» у Хрущева, «перестройка» у Горбачева, «управляемая демократия» у Путина и т. д.

То или иное средство распространения идей, заложенных в ПД, определяет характер их содержательного наполнения и языкового оформления. Другими словами, само средство тиражирования (печать, радио, телевидение, интернет) в конечном счете опосредует политическое сознание, порождающее ту или иную политическую идею.

Аринов Алемжан Галымжанович

аспирант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва)

arinov061993@gmail.com

Психология войны: формирование образа врага в сознании красноармейцев

Образ врага является одним из ключевых боевых факторов, влияющих на психологию «человека воюющего». Формирование у военнослужащих четкого представления о противнике; чем больше солдат знает о неприятеле и ситуации на фронте, тем больше он устойчив к страху, панике и дезинформации. В боевой обстановке психика военнослужащего подвергается множеству разнообразных воздействий. Одни из них способствуют мобилизации и концентрации физических и духовных возможностей человека. Другие, напротив, дезорганизуют боевую деятельность «человека воюющего», блокируют доступ к имеющимся резервам организма, расшатывают работу нервной системы и психики.

Опыт войны убедительно демонстрирует, что в сражениях чаще всего побеждает та армия, военнослужащие которой видят в противнике ненавистного врага, посягающего на свободу и достоинство их страны. В свою очередь это означает, что всякая война требует длительной работы по формированию военного сознания людей, в первую очередь, выработке такового сознания у непосредственных участников боевых действий.

В своем исследовании я обращаюсь к междисциплинарному кейсу изучения образа врага в сознании красноармейцев. Образ врага явился одним из ключевых факторов в психологии бойцов и командиров Красной армии, который менялся с ходом Великой Отечественной войны.

С началом Великой Отечественной войны все еще преобладали старые пропагандистские стереотипы по отношению к врагу. Советский солдат был воспитан с позиций классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринять врага. Но с началом войны рассеялись любые иллюзии, всякие надежды на

сознательность «братьев по классу», широко распространявшиеся в довоенное время и моментально испарившиеся в связи с беспощадной реальностью.

Образ врага, долгие годы создававшийся государственной пропагандой, был развеян начавшейся войной. Первой ее жертвой пал «миф о непобедимости» РККА – «малой кровью на чужой территории». И огромное число красноармейцев вдруг оказалось поставленным перед неоспоримым фактом: идеологические императивы, в которые они до этого свято верили, внезапно оказались недействительными: мы не наступали – отступали, беспощадно гонимые противником, невиданным доселе по мощи и жестокости. Люди, не обретя новых идеологических ценностей взамен утраченных, уже не видели возможности сражаться, им казалось, что воевать уже просто не за что. Смена императивов происходила не только в сознании бойцов и командиров, – командование РККА также спешно перестраивало свою идеолого-пропагандистскую работу.

Артамонова Людмила Михайловна

д-р ист. наук, проф.

*Самарский государственный институт культуры
(Самара)*

artamonovoi@mail.ru

Гендерный поворот провинциальной школы в середине XIX века: социальные факторы и последствия

В русском обществе второй половины 1850-х гг., о чем свидетельствуют и современники, и такие выдающиеся исследователи, как А.А. Корнилов, по степени интереса в одном ряду с крестьянским вопросом стояла тема женского образования. Это означало, что модернизационное движение в России шло по нескольким даже не связанным, на первый взгляд, между собою, направлениям. Данную тему при ее анализе нельзя рассматривать, как это случается в литературе, только с позиций истории педагогики и истории общественной мысли. Она требует подходов, связанных не только с возрастной, но и исторической психологией, поскольку касается и детей, и родителей. Здесь нужно поднимать целый спектр различных направлений исторической социологии и «новой социальной истории», которые изучают гендер, культуру, повседневность, коллективные представления и другие аспекты жизни общества, применяют биографический и прочие методы, например, локальной истории.

Речь в рассматриваемое время шла не столько о проблемах воспитания девочек, как прежде, сколько о возможности и целесообразности именно обучения их в условиях публичной всеобщей общеобразовательной школы. Систему подобных школ для женщин еще предстояло создать. Их не могли заменить ни малочисленные элитарные институты «благородных девиц», ни дорогостоящие для родителей частные пансионы. Предполагаемые школы должны были не только обеспечить более широкую доступность, но и такое образовательное пространство, в котором девочек не отрывали бы от семьи, не лишали их родительской заботы, контроля и воспитания.

Как и иные модернизационные инициативы в России, идея создания женских общеобразовательных школ была выдвинута

«просвещенной бюрократией» при поддержке верховной власти. Однако, как ни одна из таких инициатив прежде, она встретила поддержку общественности. Это помогло довольно быстрому переходу к практическим действиям. Создание системы женского образования, по сути, было первой реформой Александра II. Ее активная реализация тем более примечательна, поскольку казна не выделяла средств на эти учебные заведения. Особенно заметным явлением данная реформа стала для провинции, практически лишенной сколько-нибудь заметных ресурсов для сословных и частных школ, весьма бедной на возможности домашнего обучения. Местные дворянские и городские общества, чиновничество и интеллигенция, в том числе при деятельном участии жен, сестер, дочерей представителей этих сословных корпораций и слоев, сумели обеспечить материальную и кадровую базу начальных и средних училищ для девочек.

История расширения гендерного состава учащихся в провинции за счет появления женских учебных заведений хорошо просматривается на материалах Самарской губернии. Успеху этих начинаний здесь способствовал субъективный фактор пребывания во главе ее в 1853–1860 гг. К.К. Грота – деятеля общероссийского масштаба, служившего тогда на местном уровне управления. Вопросы народного образования, тем более женского, не входили в круг его прямых обязанностей как губернатора, но встретили у него самую активную поддержку, подтвердив принадлежность к «просвещенной бюрократии», отмеченную и внешними признаками: служба казначеем Русского географического общества, близкие родственные связи с видными учеными Я.К. Гротом и П.П. Семеновым-Гян-Шанским. Совместные усилия столичных властей, местной администрации, ведомства народного просвещения, учительства и общественности в деле поворота русской провинции к нуждам женского образования также свидетельствовали о признаках начавшегося в ней процесса формирования гражданского общества.

Афанасьев Антон Николаевич

магистр истории

стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева

аспирант Школы исторических наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

(Москва)

ant.afanasev@gmail.com

«Недостающее звено»:
происхождение человека
как естественнонаучный аргумент
в исторической концепции Б.Ф. Поршнева

Теоретический поиск в советской историографии 1960-х гг. неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако теоретико-методологическое обновление советской исторической науки было поставлено на повестку дня много раньше, в трудах историка Бориса Федоровича Поршнева. Соединяя в своем творчестве сциентистский утопизм 1920-х гг., стремление к «онаучиванию» историописания в неопозитивистском духе (вера в возможность установления строгих закономерностей исторического процесса) и оригинальную, неортодоксально-марксистскую историсофскую концепцию, Поршнева оказался одним из наиболее последовательных апологетов междисциплинарного синтеза в советской науке. Его творческий путь – лакмусовая бумажка для изучения социальных механизмов демаркации дисциплинарных границ. Его стремление установить переход от биологического к социальному с помощью соединения методов биологии, физиологии, психологии, палеоантропологии, с одной стороны, и истории – с другой, – вызов традиции, идущей от самих отцов-основателей социально-политической теории (Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо), рассматривать проблему происхождения социальности аисторично. Маскируясь под классическим советским топосом борьбы «материализма» против «идеализма», концепция Поршнева отражала, таким образом, стремление не только к теоретизации исторического знания, но и к историзации социальной теории. Инструментом этой историзации оказывался естественнонаучный аргумент, связанный с поиском ответа на вопрос о проис-

хождении человека, о границе между животным и человеческим (а значит, и о возникновении социального и политического) через поиск «недостающего звена» – особого переходного вида, обнаружение которого позволило бы Поршневу обосновать свою теорию об историческом процессе как о закономерном поступательном движении от рабства природного состояния к торжеству разумной воли. Показательным является сопоставление функционирования естественнонаучного аргумента в трудах Поршнева в двух регистрах: 1) как теоретического каркаса для его исторических исследований и 2) как инструмента для создания новой «естественной науки о человеке» – социальной науки, обладающей естественнонаучной строгостью и предельно историзированной одновременно.

Доклад подготовлен в рамках проекта «“Природа” и “техника” в истории социогуманитарного знания: междисциплинарные заимствования и синтезы» Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Барышева Елена Владимировна

*канд. ист. наук, доц.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
barysheva.ev@gmail.com*

Осмысление революционных событий в исторических публикациях 1920–1930-х гг.

В докладе рассматривается сложный и неоднозначный период первых лет становления советской исторической науки. Если в начале 1920-х годов еще сохранялось хоть и нестабильное сосуществование двух направлений – марксистского и немарксистского, то в середине 1920-х произошел полный разрыв и уничтожение последнего. На первый план в исторических сочинениях вышла историко-революционная тематика. Проблема эта в 1920-е годы не была чисто академической. Для ранней советской историографии была характерна борьба двух тенденций: с одной стороны, появление возможности вообще заниматься этой закрытой ранее темой, в том числе и в связи с открытием архивов, а с другой – она была непосредственно связана с политической борьбой внутри партии.

Освоение источникового материала, относящегося к революционным процессам, и введение его в научный оборот привело к публикации целого ряда архивных документов, ставших впоследствии основой для монографических исследований.

Созданные на основе декретов Советской власти новые научные структуры партийного и государственного уровня, такие как Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт), Институт В.И. Ленина, а позже и другие организации сконцентрировали у себя изучение революционного движения.

В ходе их деятельности были выработаны основные требования, научные принципы, приемы и методические рекомендации по подготовке и изданию историко-революционных материалов, о которых и пойдет речь.

Беспятова Елена Борисовна

канд. ист. наук, доц.

*Московский технологический
университет*

(Москва)

elena_besp@list.ru

Российская экономическая мысль 1920-х годов как индикатор экономики будущего

Целью эмпирического исследования является анализ теоретической эволюции парадигмы новой экономической политики – от разработки комплекса социально-экономических задач по нормализации хозяйственного механизма к ориентации на многовариантное понимание общественного прогресса.

Актуальность обращения к историческому опыту поиска концептуального обеспечения социальных преобразований диктуется рядом схожих с современным периодом обстоятельств, среди которых можно выделить ряд общих стратегических моментов: вектор преодоления кризисных явлений неуклонно поворачивается в направлении «смешанной экономики» и сочетания рыночных отношений с госрегулированием.

Важнейшим фактором экстраполяции опыта первой в мире страны, теоретически обосновавшей и практически апробировавшей вышеперечисленные компоненты экономической политики, явилась дискредитация господствующей идеологии свободного рынка. Практический результат «шоковых реформ», по мнению лауреата Нобелевской премии по экономике Л. Клейна, сопровождается идеологическим поражением такой системы ценностей, «при которой понятиям социального равенства, справедливости при распределении богатства отводится второстепенная роль».

Для российской политико-экономической мысли подобные высказывания не являются откровением. Во многом трансцендентальная российская экономическая традиция отличалась не прагматизмом, а тяготением к идеалам, стремлением к глобальному переустройству общества. В 1920-е годы советская российская политэкономическая мысль не сводила экономическую эффективность к абсолютизации количественных показателей. Феномен теоретического поиска выражался в анализе процесса трансфор-

мации сложившихся в России экономических институтов с учетом институциональных основ рынка и политических изменений. Российские экономисты 1920-х годов стремились не только описать и объяснить, как функционирует рыночное хозяйство, но и выработать механизм преодоления рыночной стихии, снижения социальных рисков и удовлетворения общественных и индивидуальных предпочтений. Можно сказать, что совокупной целью исследовательского поиска являлось построение социального государства.

Бондарева-Кутаренкова Татьяна Сергеевна

*канд. филол. наук, ст. преп.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
kutarenkova@yandex.ru*

Дореволюционное правописание или «революционное кривописание»: орфография как политический идентификатор прессы русской эмиграции первой волны

Русская эмиграция первой волны была крайне неоднородной в идейно-политическом отношении: в ней не наблюдалось единства во взглядах на прошлое, настоящее и будущее России. Столь же политически «пестрой» была и эмигрантская периодика: многие издания, очевидно, относили себя к определенному политическому лагерю. Единства не было и во взглядах на правописание. Если одни газеты и журналы легко переходили на новую орфографию, другие продолжали использовать старые правила, а новые нормы подвергались жесткой критике на их страницах. И политические взгляды редакторов и журналистов играли не последнюю роль в этом выборе.

Монархические издания (к примеру, журнал «Двуглавый орел») использовали исключительно дореволюционную орфографию, со всем набором букв, исключенных в советской России. Для русских эмигрантов, особенно правых взглядов, принять новую орфографию означало прервать историческую преемственность с дореволюционной Россией, которая была им так дорога, изменить важному компоненту своего культурного пространства, изменить своей истории.

Некоторые издания правого толка отказывались от буквы «Ѧ» (фита) – например, газета «Возрождение», идеологию которой ее первый редактор П.Б. Струве называл «либеральным консерватизмом», подчеркивая, что газета не является рупором монархистов. Однако в текстах газеты использовались остальные буквы старого алфавита и правила дореволюционного правописания. Со страниц «Возрождения» И.А. Бунин называл новую орфографию «заборной» («...именно забор и в точном и

в переносном смысле этого слова так долго служил ей» (Бунин И.А. О новой орфографии. Письмо в редакцию // Возрождение. Париж, 1926. 6 нояб. С. 3.)), а И.А. Ильин – «революционным кривописанием» (Ильин И.А. О русском правописании // Наши задачи: в 2 т. Т. 2. Париж, 1956. С. 434).

Газета «Последние новости», представлявшая республиканско-демократический лагерь, использовала дореволюционную орфографию, однако не поддерживала критику в адрес нового правописания.

Эсеровские издания отказывались от старой орфографии постепенно. Газета эсеров «Дни», главным редактором которой был А.Ф. Керенский, в 1927 году еще использовала некоторые буквы старого алфавита, но уже отказалась от буквы «ѣ». В номерах газеты от 1928 года все статьи уже напечатаны в соответствии с правилами новой орфографии.

Социал-демократическая пресса (журнал «Социалистический вестник»), евразийские и сменовеховские издания («Смена вех», «Евразийский временник», «Версть», «Евразия») приняли практически полностью и сразу новую орфографию.

После Второй мировой войны далеко не многие издания смогли возобновить свою деятельность, а многих приверженцев старой орфографии уже не было в живых. Вторая волна эмиграции в большинстве своем уже не знала старой орфографии. Лишь немногие газеты и журналы хранили верность старой норме. К примеру, журнал «Возрождение». Однако в номерах от 1949 года уже не использовались буквы «ѣ» и «ъ». А газета «Русская мысль» придерживалась большинства старых орфографических правил вплоть до середины 1950-х годов.

Борисова Галина Александровна

*Российский государственный
гуманитарный университет*

(Москва)

mutemua@gmail.com

Подводные исследования
в пещере Танках
(Мексика)

В докладе представлены результаты экспедиции, которая проходила в феврале–марте 2017 года на территории полуострова Юкатан, Мексика. В рамках экспедиции исследовалась ритуальная пещера (сенот) Танках, расположенная в штате Кинтана-Роо, недалеко от Тулума. В пещере находится большое количество петроглифов и так называемая «стела» с петроглифами и небольшим алтарем перед ней. Вероятнее всего, их можно датировать постклассическим периодом (1000–1530 гг. н. э.). Петроглифы и стела находятся на небольшой платформе, окруженной водой, под водой обнаружена сеть подводных пещер и туннелей, которые относятся к системе Сак-Актун.

В докладе будут представлены новые фотографии и прорисовки, а также история исследования пещеры Танках.

Бороздина Надежда Олеговна
аспирант кафедры социальной философии
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
borozdina@rggu.ru

От истории к философии университета: мост в будущее

Изменения социальной реальности, описанные З. Бауманом, Ж. Бодрийяром, Ю. Хабермасом¹ и др., несут с собой изменения в содержании социальных институтов общества². Университет как один из этих институтов не может быть исключен из происходящих социальных изменений. Трансформации, происходящие в обществе, оказывают прямое и косвенное влияние на деятельность университета. Сталкиваясь с внешними вызовами, университет вынужден перестраиваться внутренне.

По этой причине трансформация университетского образования является одной из основных тем в осмыслении инновационных процессов современного глобального социокультурного института высшей школы. Социально-философский подход способствует решению данной проблемы со стороны выявления общественной рефлексии современного университета. В этом ключе выявляется то, насколько важно для общества понимание механизма функционирования системы современного высшего образования.

Глобальный университет сегодня – это не только университет в кризисе, созвучном с кризисом экономическим, это еще и

¹ См. подробнее: *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008., 240 с.; *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры. М., 2006. 268 с.; *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (Фрагменты) // *Личность. Культура. Общество: журнал.* 2004. № 1 (21). С. 303–312.

² Социальные институты общества – это исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части.

университет, выросший из самого кризиса – кризиса измерения знаний и их новой организации. По сути, перед нами открывается новообразованная сложность управления процессом производства и овладения знаниями, в условиях опережающего развития внешних по отношению к университету сред³.

Миссия современного гуманитарного университета сегодня – подготовить специалиста-гуманитария, способного решать сложные задачи в условиях нарастания неопределенностей – социальных и политических, продвигать гуманитарные ценности, способствующие устойчивому развитию социума, государства и нации. Одна из важнейших задач высшего образования в современных условиях – подготовить специалиста, способного не только работать со сложностью, но работать со сложностью в условиях высокой конкуренции. Для того чтобы подготовить такого специалиста, университет должен приблизить обучение студента к той конкурентной ситуации, в которой он окажется уже в качестве дипломированного выпускника. Следовательно, режим междисциплинарности должен сочетаться с трансдисциплинарностью, когда производства и общественные организации пересекают границу вуза, а вуз со своими практиками активно осваивает внешние среды. Общество, представляющее, по Луману, аутопоэтичной системой, требует от нас постоянно держать наготове n-ное количество вариантов действия, поскольку развитие событий в саморазвивающейся системе мы можем прогнозировать лишь с долей вероятности. Однако это не значит, что процесс не подвержен контролю со стороны «человека-управляющего». Контроль в данном случае утрачивает представление об управлении всем и вся, приобретая черты неклассического образовательного менеджмента. Поэтому к числу первейших задач современного гуманитарного университета следует отнести подготовку специалистов, способных работать в состоянии устойчивого когнитивного беспокойства, поскольку, как отмечают Лукман и Бергер⁴, именно когнитивная сила конструирует ту социальную реальность, в которой мы оказываемся.

³ См.: *Роджеро Д.* Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета. // *Неприкосновенный запас.* № 77 (3). 2011. С. 88–102.

⁴ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Академия-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

Бродский Юрий Игоревич
д-р физ.-мат. наук, ведущ. науч. сотр.
Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН (Москва)
yury_brodsky@mail.ru

Математическое моделирование межкультурных отношений

Под культурой в данном исследовании подразумевается ее этологический, «бытовой» аспект – способ поведения, набор стандартных для данной культуры ответов на стандартные запросы среды. У разных культур такие наборы ответов разные. За основу математической модели берется известная из математической биологии модель конкуренции А. Лотки – В. Вольтерры, где конкуренция идет за ограниченный, жизненно важный, но не конкретизируемый в модели ресурс.

Элементами изучаемой культуры в этой модели можно считать мальтузианские коэффициенты, определяющие скорость роста популяции в отсутствие конкуренции; емкости среды, определяющие силу конкурентного давления в популяциях и коэффициенты двойных стандартов, определяющие, во сколько раз конкурентное давление на «чужих» больше или меньше такого давления на «своих».

Анализ системы уравнений конкуренции показывает, что качественно различные типы решений системы зависят исключительно от коэффициентов двойных стандартов – от принадлежности их к тем или иным допустимым диапазонам изменения.

Отличие социальных процессов от биологических в том, что конкуренты откликаются на ситуацию на «быстрых» временах, превращая хорошо известную из математической биологии статическую систему дифференциальных уравнений в позиционную кооперативную дифференциальную игру, выигрышами которой можно считать предельные численности популяций [1].

Такая игра является гораздо более сложным математическим объектом, нежели система уравнений, задающая ее дифференциальные ограничения. В результате то, что было устойчивым в статической системе уравнений (например, устойчивый узел), теряет устойчивость. Приобрести же устойчивость (стать равновесием

игры) может точка фазовой плоскости без какого-либо намека на устойчивость в статической системе.

Результатом таких отличий является то, что в социальных системах могут выживать культуры в условиях крайней нетерпимости к ним (например, криминальная культура), обреченные на вымирание при таком к ним отношении в биологических системах.

Одним из самых интересных выводов является то, что в межкультурном взаимодействии мы постоянно неверно оцениваем позицию игры, сравнивая чужую культуру со своей. Это зачастую приводит к одному из проявлений «мягкой силы»: культура, оказывающая в данный момент меньшее конкурентное давление, нежели своя, может быть принята за дружественную, а оказывающая большее давление – за враждебную. Верная же оценка дружественности или враждебности чужой культуры – в сравнении ее коэффициента двойных стандартов с единицей [2].

Литература

1. *Бродский Ю.И.* Межкультурное взаимодействие как позиционная дифференциальная игра // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов, 2013. Т. 28. №1 (28). С. 124–141.
2. *Бродский Ю.И.* Мягкая сила и двойные стандарты в математической модели межкультурного взаимодействия // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС: 2016. С. 4251–4257.

От голкипера к вратарю: конкуренция англо- и русскоязычной футбольной лексики в досоветской, советской и постсоветской России

В XX веке английский язык становится языком международного общения, что, в частности, приводит к активному заимствованию его элементов всеми языками цивилизованного мира. Однако, как это ни парадоксально, лексику, связанную с футболом – английской игрой, именно в XX веке буквально покорившей весь мир, – многие языки, включая и русский, предпочли генерировать свою, по крайней мере, в части названий игроков. При этом часто даже не способом калькирования: если в английских названиях концептуализируется идея пространственного расположения игроков, то, например, в русских – их функции на игровом поле.

Впрочем, английские футбольные термины другими языками тоже не игнорируются и, как правило, используются параллельно с национальными. В какой пропорции — это может зависеть от целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. В частности, специфической чертой русской футбольной лексики стало то, что она, как и другие тематические пласты, очень активно реагировала на политическую обстановку в стране. Мировые войны, политические перевороты, борьба с космополитизмом, так называемая эпоха застоя, перестройка, гласность и распад СССР – все находит свое отражение в конкуренции заимствованной и условно исконной футбольной терминологии (условно – потому что *вратарь* и *нападающий* имеют церковнославянское происхождение, а *полузащитник* является полукалькой с английского). Данные Национального корпуса русского языка позволяют с четкостью отследить эти процессы и подтвердить их статистически.

Наконец, отдельный интерес представляет история возникновения русских национальных футбольных терминов, и прежде всего история слова *вратарь*, которое, в древности не будучи особо употребительным, в XX веке, обретя новое значение, неожиданно вошло в активный словарный состав русского языка.

Валькова Ольга Александровна

*д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.
Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
(Москва)
olga.valkova2018@yandex.ru*

Равноправие в науке: плюсы и минусы
или процесс трансформации
женщины-любителя наук
в научного сотрудника в 20-е гг. XX в.

В 2018 г. исполняется сто лет с момента принятия в России законодательных актов, позволивших женщинам впервые в истории нашей страны получить равный с мужчинами доступ к высшему (университетскому) образованию и профессиональной научной деятельности. На протяжении всей второй половины XIX в., с момента обращения в 1861 г. в Министерство народного просвещения первых двух женщин с просьбой о разрешении держать экзамены за курс университета и вплоть до 1911 г., когда был принят закон, разрешивший «лицам женского пола» сдавать в специально создававшихся для этого комиссиях экзамены за университетский курс, получать ученые степени и звания и занимать соответствующие им ученые и научные должности, хоть и с поражением в правах сословных и служебных, российские женщины официально не могли быть полноправными членами профессионального научного сообщества. Подобная, поддерживавшаяся на протяжении десятилетий, дискриминационная политика правительства Российской империи, а также созданная параллельная система псевдовысшего женского образования, в которой оказалось занято большое количество молодых ученых, создали определенное отношение к женщинам, заинтересованным в научных занятиях, со стороны их современников и коллег-мужчин. Отношение это можно в целом охарактеризовать как покровительственно-доброжелательное. Мужчины-ученые конца XIX – начала XX в. были готовы принять женщину в состав научного общества, выслушать ее доклад, опубликовать в трудах общества ее работу. Мужчины были рады обеспечить женщинам неофициальный доступ, например, к естественнонаучным коллекциям университета или даже,

затратив немало усилий, устроить ее на официальную должность ассистентки, лаборантки, вычислительницы. В первом случае они чаще всего оказывали услугу жене (сестре, дочери) друга (или собственной), одновременно выказывая некоторое, весьма, впрочем, безобидное, но достаточно модное неодобрение правительственной политики; во-втором – получали квалифицированную и неамбициозную помощницу. В любом случае женщина-ученый находилась вне академической иерархии и соответственно вне академической борьбы за ограниченные ресурсы. С принятием законов 1918 г. о равноправии ситуация изменилась в корне. Заняв благодаря новым законам академическую должность, женщина-ученый мгновенно превратилась из персоны, находившейся под покровительством, в игрока на поле. Как показывают исторические свидетельства, мужчины-ученые адаптировались к новой ситуации гораздо быстрее женщин. Женщины средней возрастной группы, привыкшие к своему статусу «вне» служебной иерархии, сопровождавшемуся уважением, которое ничего не стоило мужчинам, выражавшим его, оказались не готовы к ярости и часто беспринципности академической борьбы. Молодые девушки, только что заканчивавшие свое образование, столкнулись с новой формой дискриминации – на этот раз не законодательной, культивированной правительством, а сформированной самим научным сообществом, большинство которого в этот период составляли мужчины. Период адаптации к новой, изменившейся реальности оказался непростым. В настоящем докладе данная ситуация рассматривается на конкретном примере истории принятия (не принятия) на работу в научно-исследовательский институт молодой выпускницы Московского университета, геолога и палеонтолога Эсфиры Фальковой в изложении ее профессора, палеонтолога М.В. Павловой, имевшей место в 1925 г.

Васильева Леся Николаевна

канд. полит. наук, доц.

Российский университет транспорта (МИИТ)

(Москва)

lessya-vasilieva@ya.ru

Анализ механизмов социальной эволюции: системный подход

Социальная эволюция представляет собой переворот в поведении как индивидуальном, так и общественном. Происходит скачок в траектории развития, который впоследствии закрепляется в общественных нормах и политических институтах. Следствием является реализация новых целей развития социальной системы. Суть философии *нестабильности* составляют такие фундаментальные понятия, как *необратимость*, *неопределенность*, *непредсказуемость*. Анализ законов социальной эволюции возможен только с их использованием.

Объем информации и **характер ценностей** как два основных критерия, которые связывают индивидуальный и коллективный опыт, являются фундаментом культурной матрицы. Все социальные свойства индивида основываются на этих критериях, реализуясь через индивидуальный выбор. В любом социуме каналы распространения информации и формирования ценностей работают при наличии определенных *социальных механизмов*, что характеризует его как систему. *Объем информации* воспринимается индивидуумом тем адекватней, чем более *высокой когнитивной сложностью* мышления он обладает. *Характер ценностей* влияет на определение *целей* деятельности, *мотивацию* поведения (направление и точки приложения активного поведения) и определение *потребностей* (что считать необходимым, достаточным и возможным для обеспечения нормальной жизни организма, развития человеческой личности и общества в целом).

Нестабильность самоорганизующихся систем (в силу свойства фрактальности) в социальном мире востребует такое качество индивида, как *высокая вариативность поведения*. **Неравновесность** предполагает наличие *бифуркационных* и *адаптационных* механизмов в индивидуальном поведении и поведении социума. При понимании общей *непредсказуемости* поведения сложной

системы и *неопределенности* мы все же предполагаем наличие определенных элементов детерминизма. Это означает, что исследование «механики события» имеет принципиально важное значение для понимания законов социальной эволюции.

Стадия социальной эволюции – это устойчивая система социальных отношений, «порядок», который рождается из хаоса при увеличении потока энергии. Для социума поток энергии обязательно включает в себя *информацию* как форму энергии, способствующую образованию именно социальных структур. Жесткий каркас этой системы – совокупность *социальных механизмов*. Следовательно, точка бифуркации для социальной системы – это появление новых социальных механизмов и их распространение. В этом случае одна стадия социальной эволюции сменяет собой другую.

Взаимозависимость природных и общественных процессов выражается в форме социальной эволюции. Взаимообусловленность деятельности индивидов в процессе исторического развития и форм социально организованной материи находит свое воплощение в *социальных механизмах*. *Социальный механизм* – это устойчивое по форме социальное отношение, которое реализуется при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом.

Поскольку любое социальное действие предполагает определенную осознанную потребность, мотивацию и цель, *субъективная* основа поведения реализуется в социальном механизме с учетом *культурных норм* данного общества. *Объективной* основой поведения является то, насколько эффективно при помощи данного социального механизма осуществляется *обмен* информацией, энергией, веществом. Индивидуальные качества личности, которые востребованы в процессе эволюционного развития – это *когнитивная сложность мышления, высокая вариативность поведения и характер установки*. Свое максимальное воплощение эти качества находят в представителях *элиты*. *Элита* предлагает и развивает те социальные механизмы, которые носят всеобщий характер, уравнивая всех членов социума в возможностях по реализации своих способностей. При помощи сетей социальной параллельности эти социальные механизмы распространяются и утверждаются в данном социальном пространстве.

Володин Андрей Юрьевич

канд. ист. наук, доц.

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

(Москва)

volodin@hist.msu.ru

Датафикация исторических исследований: между ‘data’ и ‘capta’

Многообразие окружающих нас электронных ресурсов переносит нас в «эру данных». Данные меняют подход к исследовательским материалам хотя бы потому, что они оказываются недоступными для человека без какого-то специального устройства-посредника (недаром данные часто и сегодня называют машиночитаемыми). Такого рода перемены вносят существенные изменения и в исследовательские практики. Правда, влияние новых средств коммуникации на информационную среду замечено было давно. Еще М. Маклюэн выделял период развития медиасреды – «галактику Маркони», которая пришла на смену «галактике Гутенберга» уже больше века назад.

По верному наблюдению М. Таллера, исследователи-гуманитарии сегодня разделяются на несколько групп: исследователей «текста как такового», исследователей-собрателей «фактов» в электронных (иногда весьма обширных) коллекциях, исследователей «не-текстов» (в т. ч. виртуальных реконструкций), исследователей влияния цифровой среды на гуманитарные науки в целом.

Развитие исторической науки, несмотря на впечатляющие темпы оцифровки исторических документов и успехи оптического распознавания символов, тотальная оцифровка и создание качественно распознанных электронных архивов вряд ли достижимо в ближайшей перспективе (хотя все чаще звучат прогнозы о 2050 г.). Триада «данные–информация–знания» выходит на первое место в методологических дискуссиях о существовании историко-культурного наследия в разных форматах [16].

Данные можно понимать и определять по-разному: (1) как совокупность фактов и идей в формализованном виде, пригодном

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-01-50134).

для передачи и обработки в некотором информационном процессе (в таком случае для данных ключевым свойством является их формат); (2) как совокупность ячеек памяти, обладающих определенными свойствами (тогда первостепенным становится вопрос объема необходимой памяти для хранения данных и устойчивости носителей хранения); или через их номинальность, указывая на то, что в отличие от операций (действий, процессов) данные выражаются подлежащим (с возможными его определениями).

Тем не менее «данные» как источник для исторического исследования меняют привычную источниковедческую перспективу. Мы начинаем смотреть на видовое разнообразие источников не как на объективное осязаемое различие (ведь наметанный глаз исследователя молниеносно отличает личное письмо от делопроизводственного документа, пусть и хранящегося в одном архивном деле), а как на дополнительное виртуальное свойство, которое может быть как показано (в электронной копии-изображении), так и просто указано в описании к оцифрованному документу.

Такой переход позволяет заметить и еще одну важную профессиональную перемену в практике историков – в «эру данных» тексты оказываются в одном ряду с изобразительными, аудиовизуальными и прочими мультимедийными источниками. И несмотря на сильное сопротивление исконного формата публикации результатов научного исследования в виде монографии, современность требует возможного расширения книжных страниц за счет мультимедийных онлайн-ресурсов.

«Эра данных» в истории и смежных гуманитарных дисциплинах во многом созвучна международной тенденции изучения «больших данных» (big data). Большие массивы данных требуют новых подходов, при этом специализация технологических решений для нужд гуманитарного исследования принципиально необходима, как это было во времена утверждения концепции источникориентированных баз данных. Однако такая перспектива развития часто вступает в противоречие с определением больших данных как потоковых и постоянно пополняемых массивов, а значит, для нужд исторического или гуманитарного исследований на первый план выйдет понятие средних данных (medium data).

Библиографический список

- Бородкин Л.И.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции к анализу альтернатив. СПб., 2016.
- Володин А.Ю.* Цифровые практики ученых-гуманитариев: результаты онлайн-исследования // ЭНОЖ «История». 2017. Т. 8. DOI: 10.18254/S0001967-2-1
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005.
- Нуарэ С.* Цифровая история: история и память, доступные каждому // ЭНОЖ «История». 2017. Т. 8. Выпуск 7 (61). DOI: 10.18254/S0001917-7-1
- Таллер М.* Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.
- Эйде О.* Вербальное выражение географической информации // ЭНОЖ «История». 2017. Т. 8. Выпуск 7 (61). DOI: 10.18254/S0001948-1-1
- Burke P.* A Social History of Knowledge II: From the Encyclopaedia to Wikipedia. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Cohen D.J., Rosenzweig R.* Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web. University of Pennsylvania Press, 2005.
- Ellis D.* “Modeling the Information-Seeking Patterns of Academic Researchers: A Grounded Theory Approach”. The Library Quarterly. 1993. 63 (4): 469–486.
- History in the digital age / Ed. T. Weller. London; New York: Routledge, 2013.
- Manning P.* Big data in history. Palgrave, 2013.

Гайдук Владислава Леонидовна

заведующая архивным сектором

Медиатеки ГМБЦ «РОСИЗО»

(Москва)

bastetm9u@gmail.com

Виртуальные архивы: между археографией и digital humanities

И.В. Кукулин утверждает, что сборники документов можно рассматривать как книги монтажа: в них искусственно объединены разнородные документы, подчиненные одной теме. Кукулин пишет, что такие сборники были популярны еще в XIX в., но в 1920-е гг. они получили новое осмысление. Множественность и разнородность документов этих сборников представляла как множественность точек зрения на одно и то же событие или на одну и ту же личность. Подготовка сборников документов до сих пор востребована среди исследователей. С одной стороны, это объясняется желанием познакомить читателей с новыми документами, которые еще не были введены в научный оборот. С другой стороны, наблюдается тенденция публикации под одной обложкой документов из разных архивохранилищ, объединенных одной темой.

Развитие современных технологий привело к появлению новых стратегий публикации документов, а именно к созданию электронных архивов. В качестве примера можно привести «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru/#main>), «Российская история в фотографиях» (<https://russiainphoto.ru/>), «Автограф. Электронный архив русской литературы» (<http://literature-archive.ru/>) и др. На первый взгляд такие виртуальные архивные коллекции вписываются в концепцию баз данных и электронных библиотек, предложенную в рамках digital humanities. Однако они также многое наследуют от печатных сборников документов. В докладе предлагается проанализировать некоторые виртуальные архивы, чтобы выяснить, отвечают ли они требованиям, выдвигаемым digital humanities, или же эти архивы являются лишь новой версией привычного сборника документов.

Гришина Наталья Владимировна
канд. ист. наук, доц.
Челябинский государственный университет
(Челябинск)
natalyagrishina@mail.ru

Быть ли диссертации? Экспериментальные поиски российских университетов в 1920-е гг.

В ходе общественно-политической трансформации в конце 1910-х – начале 1920-х гг. значительные преобразования постигли сферу науки и высшего образования. Однако реформаторские инициативы в этой сфере оставляли большие лакуны, когда дело касалось конкретной практики функционирования университетов, к регулированию многих аспектов которой государство оказалось не готово и отдавало его на откуп самим научно-образовательным институтам.

В докладе предлагается рассмотреть опыт отдельных вузов (Московский, Петроградский, Казанский, Пермский университеты) и вузовских структур (в первую очередь гуманитарных факультетов) в 1920-е гг. в деле разрешения ситуаций, оказавшихся вне нормативного регулирования. Рассматриваются вопросы привлечения внештатных преподавателей, принятия диссертаций *pro venia legendi*, организации неофициальных защит диссертационных исследований. В ходе интерпретации подобных университетских инициатив особое внимание уделяется вопросам преемственности дореволюционных диссертационных подходов и практик, принятых в научном сообществе.

В итоге делается вывод, что, несмотря на отмену ученых степеней и званий, свертывание формального процесса диссертационных диспутов, понимание того, что должна представлять собой научная диссертация и какой путь должен пройти ее автор, чтобы стать полноправным членом научного сообщества, сохраняется среди ученых и переходит в науку 1930-х и последующих годов.

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 16-03-00264.

Долгова Евгения Андреевна

канд. ист. наук, доц.

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

dolgova-evg@rambler.ru

Педагогические проекты В.М. Бехтерева (1918–1925)

В докладе освещается история одной из научных инициатив начала 1920-х гг. – опыт создания экспериментальных педагогических учреждений под руководством известного психолога В.М. Бехтерева. Создание учреждений было актуализировано историческими обстоятельствами – Революцией 1917 г., Гражданской войной, социально-экономическими трудностями Военного коммунизма и их последствиями – беспризорностью, повышением уровня детской смертности (в том числе от голода), ростом детской преступности; однако позволило реализовать на практике многие из идей В.М. Бехтерева, высказанные им о воспитании ребенка еще до 1917 г.

Обращаясь к неопубликованной делопроизводственной документации из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации, автор реконструирует историю создания и особенности функционирования отдельных учреждений в составе Психоневрологической академии (например, Педагогического института социального воспитания и изучения нормального и дефективного ребенка), исследует их научно-образовательную программу и возможности ее реализации на практике, характеризует взаимосвязи учреждений и лабораторий, их инфраструктурное обеспечение. В докладе высказывается гипотеза о том, что учреждения В.М. Бехтерева стали интересным опытом увязки теоретических исследований и прикладных разработок в пространстве экспериментальной педагогики 1920-х гг. В основу институции были положены классические психоневрологические теории и идеи

Выступление подготовлено при поддержке гранта РНФ, проект № 17-78-10202.

учения В.М. Бехтерева – рефлексологии (индивидуальной и коллективной). Предложенная же образовательная программа отличалась от существующих на тот момент и предполагала внимание к трудовому элементу воспитания и приоритет практических занятий над теоретическими. Последнее отвечало насущным задачам, поставленным перед научным сообществом, и оказалось востребованным в начале 1920-х: проект получил государственное финансирование и поддержку.

Хотя опыт организации педагогических учреждений В.М. Бехтерева, как и идея гигантской Психоневрологической академии, оказался нежизнеспособным, он отражает яркую, противоречивую и интересную эпоху экспериментальной науки в 1920-е гг.

Емельянова Надежда Михайловна

канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр.

Российский государственный

гуманитарный университет

Институт российской истории РАН

(Москва)

coordinator2006@yandex.ru

Роль общественного деятеля
и антрополога И.Т. Беляева
в изучении индейских народов Парагвая,
их защите и социальной адаптации

И.Т. Беляев (1875–1957) начал свою исследовательскую деятельность в начале XX века, в период прохождения военной службы на Кавказе. В сферу его интересов входили коренные малочисленные народы Кавказа. После революции и гражданской войны в России он эмигрировал в Парагвай, где наладил контакты с ранее практически неизученными индейскими общинами Чако. И.Т. Беляев пытался не просто изучать индейские народы, а коренным образом менять их социальное положение, выводя из состояния замкнутости и адаптируя их к современным условиям жизни. Он не только оказал воздействие на мировоззрение коренных народов, но и изменил отношение к ним в парагвайском обществе. При поддержке правительства Парагвая И.Т. Беляев сумел приобрести землю в окрестностях Асунсьона, куда после чакской войны (1932–1935 гг.) перевез из Чако несколько семей индейцев мака. Беляев построил для них школу, создал сельскохозяйственную общину и открыл первый в истории Парагвая индейский театр, с которым выезжал на гастроли в Аргентину и другие страны Южной Америки.

В основу доклада легли архивные документы, ранее не вводившиеся в научный оборот.

Ершова Галина Гавриловна

*д-р ист. наук, проф.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
ga.gav@mail.ru*

О различиях между социальным механизмом культурной революции и социальной технологией эрзац-культурной революции

В статье рассматривается феномен эрзац-культурной революции (термин «эрзац» для социальных феноменов предложен Л.Н. Васильевой) в качестве особой социальной технологии, подменяющей собственно культурную революцию, являющуюся универсальным социальным механизмом. Явление «естественной» культурной революции относится к закономерностям смены исторических эпох, тогда как в 1960-х гг. возникло новое явление в политической жизни, которое можно назвать «эрзац-культурной революцией». Оно возникает в качестве подмены эффектора, когда тот становится доступным для анализа. Суть сводится к синтезу отдельных практических технологий на основе существующего и апробированного на практике опыта существования человеческой цивилизации. Благодаря работам В.И. Ленина, социалистическая культурная революция в СССР впервые вывела тему на уровень осознанного социального феномена, доступного анализу. Эрзац-культурная революция предшествует реальным социальным переменам и нацелена на осуществление политических переворотов в интересах третьих сторон. В настоящее время в качестве эрзац-культурной революции выступает внедряемая в коллективное сознание идеология глобализации, нацеленная на размывание в обществе сложившейся системы ценностей и идентичности. Отдельные элементы эрзац-культурной революции наблюдались и в историческом прошлом. Однако в новейшей истории впервые эта технология отчетливо проявилась в Китае и Камбодже. После чего опыт был проанализирован, адаптирован к условиям

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454)

внешнего управления, апробирован опытным путем и запущен в массовое использование с очевидными целями. Целевая установка возникших эрзац-культурных революций была определена еще Доктриной Монро. В 1959 г. появился проект «теория гражданской культуры» Габриэля Олмонда и Сиднея Вербы, уже тогда поименованный специалистами как «эмпирическая неадекватность». Проект был ориентирован на обоснование необходимости организации политических переворотов в других странах в интересах США. К середине 1960-х начинается практическая отработка методов переворотов в разных странах на основе разработок Дж. Шарпа по «Ненасильственным методам свержения режимов». «Режимами» и «диктатурами» объявляются все правительства, которые не работают на интересы США. Этот проект запускается за два года до объявления «перестройки», разваливая социалистический лагерь и СССР. В настоящее время наблюдаются активные попытки реализации эрзац-культурной революции по отношению к России и сопредельным странам.

Ершова Галина Гавриловна

д-р ист. наук, проф.

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)
ga.gav@mail.ru*

Культурная революция как фактор трансформации антропосистемы

Проблема культурной революции имеет чрезвычайно важное значение для понимания системных процессов в развитии собственно антропосистемы. До сих пор рассматривались такие аспекты симметрично-асимметричных процессов АС, как: «реструктурирование социальной системы», «создание искусственной среды обитания человека», «эволюция мышления», «создание знаний и технологий». По сути, речь в основном шла об изучении взаимосвязи в трансформации формы и функции, присущих АС. Теперь же

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454)

возникла необходимость определения механизма, который, с одной стороны, является выражением этой «взаимосвязи», а с другой – приводит к качественным трансформациям – то есть изменяет функцию, а за ней и установившуюся симметрию формы.

По всей видимости, следует достроить линию «интеллектуальной составляющей» АС: симметрично-асимметричное развитие мозга – создание знаний и технологий (включая идеологию) – культурная революция. Ранее уже рассматривалась проблема качественных смещений в развитии интеллектуального наследия, где каждая историческая эпоха отражает новую «стартовую площадку» для воспроизводства и дальнейшего развития достигнутых знаний и технологий. Теперь мы можем говорить о том, как формируется, закрепляется и меняется интеллектуальный потенциал, сопровождающий глобальные социально-исторические процессы, переходя с уровня на уровень. В целом процесс наращивает количественные характеристики, что приводит к изменению качества системы.

Начиная с ранних этапов развития человечества (палеолит) эволюция шла по пути изменения функций мозга человека за счет влияния его окружения, которое было достаточно ограниченным в начале этого пути. Изменения в мышлении каждого члена коллектива шли в основном за счет подражания и обучения как реализация инстинкта самосохранения – индивидуального и семейно-коллективного. Осваивались знания об окружающем мире, технологии изменения среды, законы репродукции и взаимодействия в коллективе, формы выживания в условиях агрессии природной и социальной окружающей среды. Так складывался интеллектуальный багаж разрозненных человеческих коллективов. Целью всегда было и есть увеличение продолжительности жизни и репродукция, изначально количественная для отбора качества. По мере увеличения общей численности населения на территории Земли эти знания и правила должны были меняться, реагируя на новую реальность. Так возникла первая и последующие культурные революции – неолитическая, раннегосударственная, объединительная христианская, буржуазная, социалистическая. Процесс интеллектуальных трансформаций постепенно все больше стал превращаться в управляемый. Сейчас наблюдается новая смена исторической эпохи, которая сопровождается новой культурной революцией и одновременно противодействием ей, что можно наблюдать.

Ершова Галина Гавриловна

д-р ист. наук, проф.

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

galkorgi@gmail.com

Вепрецкий Сергей Викторович

научный сотрудник

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

servepr@gmail.com

Секачева Дарья Сергеевна

научный сотрудник

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

daria.baida@gmail.com

Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas».

Особенности междисциплинарного исследования

Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas», расположенный в Гватемальском нагорье, в долине реки Гуакалате, недалеко от г. Антигуа, считается одним из самых богатых комплексов наскальных рисунков в Латинской Америке, с датами от палеолита до последних доколумбовых веков. Изображения включают астрономические знаки, руки, фигуры людей, животных региона, многофигурные сцены, растения, орнаменты и даже календарные даты науа. Состояние красок в большинстве случаев сильно повреждено. Они подвергаются обесцвечиванию, поражению солями, различными образованиями и разрушению человеком. Однако применение методов обработки фотографий в специальных программах при анализе рисунков позволяет выявить их в очень хорошем качестве и реконструировать содержание. Этот метод позволил увеличить количество изображений, записанных в предыдущих проектах.

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454)

Железова Наталия Павловна

студент

*Российский государственный
гуманитарный университет*

(Москва)

tasheko@mail.ru

Первые мероприятия по решению проблемы детской беспризорности в постреволюционный период (1918–1926 гг.)

Одной из наиболее острых проблем нового советского государства стал резкий рост числа беспризорных, «дефективных»¹ детей после событий 1914–1918 гг. Рост беспризорности способствовал развитию детской преступности. Достаточно сложно сказать, сколько именно детей находилось на улице в 1918–1920 гг. В 1921 г. число голодающих детей при родителях и без них определялось в РСФСР в 7,5 млн чел. Первые приблизительные подсчеты были проведены в 1921–1922 гг. специально образованной Деткомиссией ВЦИК и опубликованы в газете «Известия»².

Социальная политика нового государства была ориентирована на ликвидацию существующей проблемы в кратчайшие сроки³. Решение вопроса об искоренении беспризорности решалось на государственном уровне двумя путями. Первый подразумевал создание различных учреждений, плановые действия различных комиссариатов.

Если в дореволюционный период одной из основных форм борьбы с беспризорностью была благотворительность (таким примером можно назвать филантропические общества, поддерживаемые императорской семьей), то в послевоенное время борьба

¹ *Калинникова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М.* Социальная политика в отношении детской дефективности в военно-революционный период и первую декаду советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 1. С. 159.

² Расчеты автора на основе: Известия ВЦИК. [1924, 1926, 1927]

³ ГА РФ. Ф. А259. Оп. 86. Д. 1018. Л. 6.

с детской дефективностью приобрела исключительное значение и стала «работой большой государственной важности»⁴.

Первые итоги деятельности по ликвидации беспризорности были представлены в 1924 г. на I Московской конференции по борьбе с беспризорностью. В течение года кампания по ликвидации безнадзорности охватила всю страну. Система реабилитации беспризорных включала в себя систему так называемой «трудо-вой помощи». По стране по инициативе Ф. Э. Дзержинского начали создаваться трудовые коммуны ОГПУ для несовершеннолетних преступников. Основной формой борьбы с беспризорностью продолжали оставаться интернаты, детские дома и др. В крупных городах создавались детские приюты и отделения, воспитательно-трудовые школы, развивались индивидуальное шефство и наставничество. Зарождалась новая советская школа перевоспитания «трудных» подростков, которую представляли (прежде всего) Н.К. Крупская и А.С. Макаренко.

Второй путь по преодолению и ликвидации беспризорности заключался в изучении проблемы с точки зрения психологической и педологической наук.

Стоит отметить, что в первые годы советской власти произошло расширение понятия «дефективность». Если ранее таким термином описывали «дефективные = больные», то в двадцатые годы появилась новая трактовка – «морально-дефективные», которая подразумевала описание беспризорников и уличных детей и подростков⁵.

⁴ Первый всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской дефективностью, беспризорностью и преступностью. М., 1922.

⁵ *Калинникова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М.* Указ соч. С. 162.

Жидченко Александр Владимирович
канд. ист. наук
Ассоциация молодых исследователей
«Институт исследований социальной памяти»
(Москва)
zhidchenko220689@yandex.ru

Родильные дома в СССР в 1950–60-е гг: пространство гендерной истории и истории повседневности

В современной ситуации, связанной с поиском новых подходов к исследованию событий прошлого, в отечественной и зарубежной исторической науке актуализируется поиск междисциплинарного сближения с другими сферами гуманитарного знания и широким спектром наук прямо противоположного профиля. В этой связи обращение к тематике гендерной истории и истории повседневности покажется не новым, а уже достаточно длительное время апробируемым в трудах многих российских и мировых исследователей предметом изучения.

Однако изменение объекта исследования раскрывает новые возможности в поле междисциплинарности и открывает для историков другие пути поиска исторических источников, применения методологии и дает новое знание. В предлагаемой работе мы рассмотрим, как тематика изучения родильных домов в 1950–60-е гг. может быть исследована в пространстве гендерной истории и истории повседневности.

С одной стороны, вопросы родов и родовспоможения являются предметом изучения медицины, а шире – в контексте социально-психологических аспектов жизни женщины – гендерных исследований. Что касается изучения данных аспектов в прошлом, то мы обращаемся к гендерной истории, в условном пространстве которой в этом случае находится все, что связано с родильными домами и содержанием их деятельности, в том числе: особенности поведения женщин, являвшихся роженицами в 1950–60-е гг., их отношение к проблемам родов, к роддомам, заботе о собственном здоровье в период беременности и выполнение наряду с этим

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00136.

социальных ролей, связанных с поддержанием домашнего хозяйства, заботой об остальных членах семьи и с профессиональной деятельностью, в которой были заняты большинство женщин в городской и сельской местности в СССР в этот период.

С другой стороны, ежедневные практики, связанные с исполнением женщиной своих социальных ролей, а также с исполнением родильными домами как учреждениями своих функций, появлением в городском и сельском социальном пространстве такого типа учреждений и его развитие в середине XX в., входят в орбиту социальной истории, а уже – истории повседневности.

Запольская Наталья Николаевна

д-р филол. наук, доц.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

(Москва)

zapolskaya_n@mail.ru

Междисциплинарный подход к изучению истории лингвистической рефлексии

Доклад посвящен проблеме транскультурности лингвистической рефлексии, трансляции лингвистических воззрений в пространстве и времени культуры. Императивными являются вопросы, касающиеся характера культурно доминирующего языка, отношений между литературным языком и языком повседневного общения, понимания «правильности» языка, идеосемантики и идеофункциональности языковых единиц. Ответы на эти вопросы зависят от исторической ситуации, языковой ситуации, метаязыковой ситуации, языкового и метаязыкового опыта носителей языка. Соответственно изучение истории лингвистической рефлексии предполагает комплексный подход. В докладе рассматривается лингвистическая рефлексия Максима Грека, прибывшего в Россию в 1518 г.: взгляды Максима Грека на язык позволяют понять характер трансляции лингвистической рефлексии в пространстве (Европа > Россия) и во времени (конфессиональная культура XVI века > XVII века > секулярная культура XVIII века), а также выстроить своеобразные «мосты», соединяющие позиции книжников разных пространств и эпох (И. Ласкарис > Максим Грек > Нил Курлятев; Максим Грек > Иван Наседка > В. Тредиаковский).

Ибраева Юлия Игоревна

аспирант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва)

ibraevajulia11@gmail.com

Человек XVIII века в пространстве семейной коммуникации

История семьи – исследовательское поле практически всех гуманитарных и социальных наук.

Лучше всего на сегодняшний день исследовано брачное законодательство, правовой и имущественный статус членов семьи в разные исторические эпохи. Актуальным направлением является изучение семейной повседневности и история детства. В междисциплинарном исследовательском поле семья предстает как своеобразный перекресток социальных, экономических, политических, демографических и культурных процессов. Кроме того, семья это пространство межличностной коммуникации. Термин «коммуникация» широко используется в настоящее время в социологии, психологии, лингвистике.

Историки долгое время изучали только один аспект коммуникативного процесса – информационное содержание общения. В XX в. в результате поворота к «простому человеку», произошедшего в гуманитарных науках, фокус внимания исследователей сместился на изучение коммуникационных стратегий и норм, ролей и целей участников коммуникации.

Человек использует широкий спектр вербальных и невербальных средств коммуникации для развития и поддержания личных связей. Изучая межличностные коммуникации человека XVIII в., историк может работать только с вербальными источниками, такими как переписка, мемуары и следственные материалы. Источники этого вида долгое время занимали некое маргинальное положение в исторической науке и на сегодняшний день нет разработанной методологии работы с ними. И здесь на помощь историку может прийти инструментарий, заимствованный из других социальных и гуманитарных наук. Однако тут исследователей

коммуникаций поджидает опасность неверного использования «интеллектуальных плодов, сыплющихся из междисциплинарного рога изобилия»¹.

Так все же использовать или нет междисциплинарные «подсказки»? Что может дать историку применение оптики других социальных наук при изучении процесса семейной коммуникации первой трети XVIII века? В докладе будет предпринята попытка ответить на эти вопросы.

¹ *Крейг Р.* Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003. С. 74.

Илизаров Борис Семенович

*д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр.
Институт российской истории РАН
(Москва)
ilizarov@mail.ru*

Биография политика как фактор географии (на примере биографии Сталина)

И.В. Сталин (Джугашвили) родился в декабре 1878 г. в провинциальном городе Грузии Гори, а умер в марте 1953 г. на подмосковной даче в Кунцево. Как у всякого человека, его характер, вкусы, привычки, фобии и др. формировались под влиянием географической и связанной с ней этносоциальной среды. Я выделяю эти факторы в качестве определяющих не только для формирования задатков будущего государственного деятеля, но и для периодов наибольшей активности главы государства, как во внутренней, так и внешней политике.

Географическая среда человека (Сталина), это не просто Кавказские горы, солнце, бурные реки детства и юности или сибирские морозы и таежные леса в ссылках, а во власти – площадь Кремля... Это ежедневное, ежечасное, ежесекундное движение человека, причем не только тогда, когда он привычно передвигается своими ногами или различными видами транспорта по лику Земли. Сюда необходимо включить движение человека как космического тела совместно с человечеством и своим народом по планете, и переливчатые внутренние движения организма. Биологическое переплетается с социальным и национальным, и все это детерминировано географией и геополитикой.

Вот неполный путь, пройденный за 73,5 года жизни Джугашвили по лику Земли, где герой «цеплял» социальные, национальные и культурные «образы» окружающего мира и делал их своими. До революции: Гори, Тифлис, Батум, Баку, Иркутск, Тифлис, Берлин, Стокгольм, Лондон, Варшава, Краков, Тифлис, Баку, Вологда, Москва, Красноярск, Курейка, Красноярск, Петроград.

Гражданская война: Петроград, Москва, Царицын, Петроград, Кавказ, Львов (Украина), Москва.

После революции: Московский Кремль, подмосковные дачи, Крым, Сочи, Тбилиси, Сибирь, Кремль-дачи, Тегеран, Потсдам, Москва, Мавзолей.

По этой цепочке, насыщенной историческими событиями, можно проследить, где человеком управляли различные обстоятельства, а где он сам управлял ими. Так возникает остов любой биогеографии, как части истории страны и мира. Отсюда важнейший вопрос для любой философии истории: биография является частью истории или история есть совокупность биографий?

На этом пути можно попытаться продолжить давний спор о том, кто определяет ход истории? Складывающиеся независимо от человека обстоятельства и объективные законы истории или воля и желания человека, преодолевающего и ломающего эти обстоятельства? Над этими вопросами задумывались еще К. Маркс и Ф. Ницше. Пора и нашему поколению внести в него свою лепту.

Иллерицкая Наталия Владимировна

д-р ист. наук, проф.

*Российский государственный
гуманитарный университет*

(Москва)

natalia.v.illtritskaya@gmail.com

Советская историческая наука 1920-х гг. в пространстве современной российской историографии

Российская революция 1917-го г. оказала глубокое трансформирующее воздействие на все стороны бытования отечественной исторической науки. Возможность представить 20-е гг. XX в. в качестве экспериментального пространства советской исторической науки правомерно, на мой взгляд, только в контексте новейшей историко-научной периодизации как времени сосуществования «старой» и «новой» исторической науки (1917–1920-е гг.).

В современной историографии оформились два подхода к пониманию внутреннего смысла существования исторического знания в 20-е гг. XX в.: один жестко завязан на проблему «наука и власть», другой пытается осмыслить советскую историографию с позиций взаимоотношений «старой» (академической) и «новой» (марксистской) исторической науки. *Первый подход* реализовался в формулировке «особого научно-политического феномена советской историографии», предложенного Ю.Н. Афанасьевым (1996 г.). В этой версии историческая наука рассматривается как элемент государственной политики, выполняющий инструментальную функцию. Политическая власть всеми средствами оказывала давление на науку, превращая ее в часть идеологической системы, и в итоге получила науку, чутко реагирующую на все «постановления партии и правительства». *Второй подход* заключается в том, что подчеркивается существование в дореволюционной исторической науке марксистского направления, которое стало ядром советской историографии. В этой версии наиболее интересной, на мой взгляд, является концепция «академического марксизма», который оформился в отечественной исторической мысли именно в 20-е гг. и был связан с новой исторической проблематикой. В 1920-е гг. «академические марксисты» реализовались в борьбе со школой Покровского, однако в условиях

Советской России именно «академический марксизм» подготовил почву для марксизма догматического. Еще одной особенностью исторической науки 20-х гг. стало вовлечение историков в политическое пространство. Если до революции участие в политике было личным выбором самих деятелей науки, то в 20-е гг. историков втягивали в общественно-политическую деятельность с помощью государственных институтов и идеологического воздействия.

Таким образом, как бы ни старались сторонники всех приведенных версий представить советскую историческую науку как внутренне сложное явление, все они вынуждены признать, что государственный контроль и планирование деятельности историко-научного сообщества стали нормой существования исторической науки. Благодаря этому в практике историописания произошли существенные изменения: в историческом прошлом центральное положение заняли только те сюжеты, которые подтверждали правоту марксизма. Распространенным стало обращение к ближайшим событиям, проявилась узость методологического поиска, изменился язык науки, а основными историческими методами стали схематизм и цитатничество. Произошел разрыв в источниковедческой практике: источники отесняли на второй план и подчиняли их обществоведческим схемам. Именно в этот период в науке обозначились две основные субдисциплины – история партии и история СССР. Смысл истории партии заключался в конструировании марксистского образа истории России, отвечающего идеологическим постулатам. Как и большинство черт советской исторической науки, эти тенденции активно стали проявляться именно в 1920-е гг. Поэтому приходится признать, что внешнее влияние на советскую историческую науку было неизмеримо сильнее, чем интенции самого научного сообщества. На мой взгляд, это означает, что понятие «особый научно-политический феномен» наиболее адекватно описывает ту интеллектуальную конструкцию, которую мы определяем как советское историописание 1920-х годов.

Каиль Максим Владимирович

канд. ист. наук, доц.

Смоленский государственный университет

(Смоленск)

mvkail@mail.ru

Православная биографика: персональный план религиозной повседневности советской эпохи

Биографический фокус, персональная история православия представляется сегодня одним из наиболее содержательных проекций изучения советского периода в истории православия. При этом круг сюжетов не сводится к концепту «новомучеников и исповедников Российских», а пополняется многообразными вариантами персонального переживания «большой истории». Их научный план формирует практику «негероических биографий» – содержательно воссозданных биографий и нарративов, посвященных самым разным слоям, группам православного общества. Подобное измерение исторических событий позволяет пересмотреть многие сложившиеся стереотипы, переосмыслить подходы к анализу содержания церковной истории советского периода, ее персональному плану.

При всей востребованности и популярности в общественных дискуссиях, широкой представленности в комплексе научных публикаций «церковная» проблематика остается слабо исследованной именно на теоретическом уровне. В еще большей степени эта характеристика историографической ситуации применима к сфере биографики новейшей истории православия. Здесь действует регрессивная формула: масса биографий – единицы научных биографий – считанные единицы теоретических поисков в области персональной истории/биографики православия.

В исследовательскую практику необходимо сознательно ввести жанр «негероической биографии» (исследовательских биографий либо малоизвестных и не изучавшихся деятелей пра-

Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00618а.

вославия, персон, традиционно не попадающих в фокус «большой истории» – сельских священников, дьяконов и псаломщиков, а также биографий «инаковых» – причем крайне полярных, таких как, например, катакомбники и обновленцы, чей путь позволит во всей полноте и противоречиях представить историю развития православия в XX в.).

Принципиально новым является подход, позволяющий исследовать не частности или отдельные институты (группы) православия, а само явление в связи с развитием российского общества в исторических реалиях XX в.

Карасев Дмитрий Юрьевич

канд. социол. наук, ст. науч. сотр.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

(Москва)

dk89@mail.ru

Историческая социология и социальная история

Учитывая множество сходств, которое не исчерпывается преставлением слов в наименованиях, вопрос о различиях между исторической социологией и социальной историей часто вызывает недоумение. К указанным сходствам относятся: схожий исторический период и коннотации возникновения субдисциплин; частично пересекающиеся списки ведущих представителей; осязаемое влияние марксистской традиции и как следствие до определенной степени схожий категориально-понятийный и концептуальный аппараты, взаимодополняемость и обмен результатами и т. д. Одним словом, представители «посторонних» социально-гуманитарных дисциплин, экономист или политолог, могут и не уловить разницы.

В настоящее время существует внушительное количество публикаций, отвечающих на вопрос, что такое историческая социология, однако лишь немногие из них способны показать ее место не только в рамках междисциплинарной матрицы (история vs. социология), но и в рамках трансдисциплинарной (социальная история vs. историческая социология). Проблема усугубляется тем, что сама социальная история никогда не была унифицированной практикой в терминах предмета и метода, что препятствует ее емкому определению и сравнительным обобщениям о ней. К примеру, Ч. Тилли предлагает делить социальных историков на «связывателей» («linkers»), «копателей» («diggers») и «толкователей» («glossers»). Цель первых – разрешение проблемы макро/микро в истории; вторые обращаются к количественной истории классовой борьбы как основы политической истории; третьих объединяет герменевтическая установка на реконструкцию смысла исторических действий в поисках того значения, которое они имели для современников.

Во многом указанная неоднозначность справедлива и для исторической социологии. Скочпол и Соммерс показывают ошибочность попыток свести историческую социологию к использованию сравнительно-исторического метода, а его к единой логике тестирования макросоциологических теорий.

Различия между исторической социологией и социальной историей могут быть резюмированы в нескольких тезисах. Во-первых, историческая социология ориентирована на теоретическую интерпретацию исторического материала, а социальная история – на изложение истории «социального», хотя из определенной перспективы и в определенных терминах. Во-вторых, историческая социология – детище американской интеллектуальной среды, а социальная история – европейской, со всеми вытекающими последствиями. В-третьих, историческая социология в отличие от социальной истории работает в основном со вторичными историческими данными. По этой причине социальная история гораздо чаще выступает количественной (клиометрикой) по сравнению с теоретической исторической социологией. Обе субдисциплины сконцентрированы на Новом и Новейшем времени, однако по разным причинам. Историческая социология – по причине того, что большинство из классических теорий, которые она подвергает ревизии и синтезу, разработаны на обществах этих эпох, социальная история – по причине того, что за эти социальные периоды доступно больше данных по низовой истории. Итоговое воздействие марксистских идей на социальную историю и историческую социологию различается.

Социальная история была «прогрессивнее» в преодолении структурализма и признании роли и смыслов простых людей в историческом процессе, выступая против структурализма традиционной политической истории «сверху». Историческая социология, напротив, была прогрессивнее в синтезе либеральной и левой теоретической истории, «истории тори» и «истории виггов». Социальная история раньше продемонстрировала восприимчивость к «антропологическому» и «лингвистическому поворотам», во-многом выступая их причиной, с другой стороны, историческая социология имеет в своем арсенале более сложную, но при этом достаточно генерализованную теорию социально-исторических изменений, поскольку раньше отказалась от имплицитных эволюционизма и прогрессизма.

Кроме того, если считать, что типичным кейсом социально-исторического и историко-социологического исследования является отдельное государство, то социальная история зачастую предлагает внутрикейсовые методы, а историческая социология – межкейсовые. Наконец, интересной представляется позиция Тилли, который в разных работах размещает в рамках одной методологической матрицы («индивидуализирующее сравнение»; «охватывающее сравнение»; «универсализирующее сравнение»; сравнение, ориентированное на поиск различий) социальных историков («связывателей», «копателей» и «толкователей») и исторических социологов. Последнее, разумеется, не означает признания отсутствия различий между субдисциплинами.

Кобозева Зоя Михайловна

*д-р ист. наук, проф.
Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева
(Самара)
zoya_kobozeva@mail.ru*

**Выстрел в помощника исправника,
или Мода на революцию:
повседневные практики мещан в революции
в свете междисциплинарных исследований**

Эта история произошла в мае 1907 г. в уездном городке Николаевске Самарской губернии. Местом действия был Бульвар. Все идеи, которым суждено было получить свою реализацию, драматичную для главного героя и незаметную в масштабах революционной России, террористической России, эсеровской России – созревали в головах 19-летних провинциальных юношей именно там, на Бульваре уездного города. 14 мая 1907 г. в восемь с половиной часов вечера ученик 3 класса Николаевского городского училища Захар Евтихиевич Ярыгин произвел два выстрела в упор из пятизарядного револьвера системы «бульдог» в помощника исправника Трофимова. Два раза револьвер дал осечку. После чего Ярыгин протянул револьвер помощнику исправника со словами: «Вот, возьмите револьвер, мне он больше не нужен»...

В 1866 г. в журнале «Русский вестник» был опубликован роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором воспроизводится психология человека накануне убийства: «Убийцу от убийства отделяет менее суток, а он уже охвачен страхом». Спустя 41 год аналогичные чувства переживает провинциальный юноша Захар Ярыгин...

Литературная традиция выводит в этом же году новый тип героя, отказывающегося от убийства (в рассказе «Карантин» А. Грина, «Дело» Вл. Ленского и др.). Террористические организации были частью партии эсеров. Террору отводилась особая роль в повышении революционного настроения масс, приобщении их к политической деятельности на примере самопожертвования героя. Террористический акт – убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей – нуждался в ясно выраженной и мобилизующей нравственной

мотивации, основой которой могла быть убежденность в бесчеловечности данного политического устройства и действий властей. В партии эсеров на протяжении революции 1905–1907 гг. позиция партийного руководства в отношении террора не оставалась неизменной. Трижды ЦК принимал решение о прекращении террора. Но, несмотря на это, на местах террор продолжался. За 1907 г. было произведено эсерами 68 (71; 81) покушений.

На уровне массового сознания, революционная мифология создавала свои собственные интерпретации в провинциальной среде, снижая градус выразительности как акторов, так и их действий: городское училище, мещанство, смутная мотивация, алкогольная поддержка, несостоявшееся убийство. Но все это не снимает трагедийности происшедшего события и его последствий для юноши-обывателя, подкарауленного Революцией.

Королева Марина Владимировна
аспирант
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)
marinna_74@mail.ru

Голос человека XVII в. в грамотах русских воевод: практика присяги с позиций интерпретативной антропологии

В источниках XVII в. сложно увидеть какие-либо проявления индивидуальности. Сохранившиеся в основном официальные документы скрывают человека прошлого за формулами грамот, отражающими традиционные и новые для этого периода мифологемы власти, в частности библейскую идею «глас народа – глас Божий», согласно которой не отдельный человек или группа, но некое единое целое воплощает в своих действиях божественную волю.

Грамоты воевод содержат отчеты о приведении к присяге и запросы на инструкции по дозволяемым действиям в случаях возникновения затруднений. Как должностные лица, связанные особыми крестоцеловальными обязательствами, воеводы не могли «самовольством без государева ведома никаких дел делати». Поэтому в этих источниках можно найти детали практической реализации распоряжений власти на местах, разрушающие идиллическую картину подчинения. Рассмотрение практики присяги с позиций интерпретативной антропологии дает возможность услышать голоса отдельных людей, попытаться реконструировать мотивацию подчинения и найти ответ на вопрос о смысле и значении присяги царю для человека XVII в., то есть сделать насыщенным описание действий присягающего или отказывающегося пройти ритуал. Определяя новый ракурс для взгляда на природу подчинения и в целом политическую культуру изучаемого периода, антропологический подход в данном историческом исследовании требует осторожности в интерпретации извлекаемых из источников семантических смыслов ритуала и описываемых в нем практик в различных контекстах. Предоставляя новые возможности и делая источники более информативными, междис-

циплинарность забирает уверенность в репрезентативности полученных результатов, выдвигая на обсуждение вопрос о критериях их обоснованности. В данной работе в качестве подобного критерия можно предложить верифицируемость суждений сведениями дополнительных источников.

В докладе предполагается проанализировать отражение в идее подчинения формулы «глас народа – глас Божий» как согласия подчиняться, интерпретировать смысл затруднения в сложных ситуациях выбора между верностью присяге и отказом от нее в пользу другого правителя в Смутное время, сравнить уникальные случаи отказа от присяги на протяжении всего XVII в. Рассмотрение ситуаций согласия/несогласия присягать, представленных в грамотах воевод, даст возможность ответить на вопрос: сопровождалась ли присяга осознанием некоей общности у самих присягающих, социальной идентификацией с обществом подданных или представляла исключительно индивидуальное приобщение к Богу посредством вертикальной связи с богоизбранным правителем?

В результате исследования планируется показать, что верность присяге не обсуждается, поскольку связана с призванием в свидетели высших сил и влечет за собой тяжелые последствия для души грешника, нарушившего ее. При этом что в действительности представляет собой правитель, не столь важно. Его образ сакрализован и лишен индивидуальных черт. Идея верности присяги, подвергшаяся серьезному испытанию в Смутное время, сменяется представлением о верности государю и его семье. Сакральный смысл сохраняется, но подвергается испытаниям со стороны бюрократического поощрения рвения исполнителей. Завершить доклад предполагается выводом о зависимости социальной идентификации от мотивации подчинения.

Косован Елена Анатольевна

*канд. ист. наук, доц.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
ekkad@yandex.ru*

Слависты вне закона.
К вопросу
о кризисе отечественного славяноведения
в 1920-е гг.

События 1917–1922 гг., имевшие характер цивилизационной катастрофы, нанесли тяжелый удар по отечественной гуманитаристике. Голод, болезни, репрессии по «классовому признаку» выкосили российское научное сообщество. Последствия насильственного внедрения коммунистической идеологии испытали на себе все науки гуманитарного цикла.

Однако особенно тяжким оказалось положение славяноведения. Оно стало первой жертвой запущенного в 1920-е гг. процесса тотального огосударствления науки, который сопровождался маргинализацией неугодных дисциплин. В этот период среди советских политических элит укоренилось убеждение, что дореволюционная славистика выстроена на принципах так называемой «славянской взаимности», которая отождествлялась с консервативными версиями панславизма и воспринималась как «тайное оружие» реакционеров и реваншистов, мечтающих об антисоветском объединении «буржуазных» славянских держав.

До 1929 г. процесс маргинализации оставался относительно мирным. Критики старой славистики ограничивались обличениями своих оппонентов в рамках более или менее цивилизованного академического диалога, различными ограничениями профессиональной деятельности «ветеранов» и идеологическим «перевоспитанием» их учеников. Тем не менее именно тогда, в 1920-е гг., в переписке ученых возникает и закрепляется предчувствие, что славистика будет раздавлена катком репрессий. И действительно, уже в 1929 г. началась открытая травля ученых-«националистов», апогеем которой стало «дело славистов» 1934 г.

В результате сбылось почти с буквальной точностью предсказание выдающегося ученого А.Г. Ильинского, обещавшего смерть славяноведению как науке. Отечественная дореволюционная славистика как мощный научно-исследовательский тандем исторической науки и филологии в 1920–1930-е гг. была фактически уничтожена. Почти на двадцать лет фундаментальные славистические исследования были исключены из советского научного дискурса – трагедия, масштаб и последствия которой остаются недооцененными до сих пор.

Красовицкий Павел Ильич

аспирант

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

(Москва)

p.krasovitsky@gmail.com

Исторический сторителлинг 2.0: сериал для смартфонов про 1968 год

Стеной между героями прошлого и сегодняшними зрителями, как правило, становится отсутствие общего языка. Документально-художественный проект 1968.Digital ставит своей задачей популяризировать историю и рассказать ее на экспериментальном современном языке – как будто у людей в 1968 г. были смартфоны. Все главные события и процессы этого поворотного и турбулентного года происходят перед зрителями на экране телефона.

За продуктом стоит большая работа. Тщательно и подробно собирается исторический материал: воспоминания, письма, пресса, официальные документы. Затем документальный материал проходит через художественную обработку (с полным соблюдением достоверности) и становится сценарием для очередной серии.

В основе проекта лежат теоретические основания: убежденность в необходимости популяризации истории и цель поставить в центр исторического нарратива конкретных и уникальных людей.

В ходе доклада будет показана одна серия из проекта 1968.Digital.

Лахути Лейла Гасемовна

доц., науч. сотр.

*Российский государственный
гуманитарный университет*

*Институт востоковедения РАН
(Москва)*

lahuty@gmail.com

Имена собственные в классической персидской поэзии: проблемы перевода

Передача имен собственных представляет одну из непростых проблем теории и практики перевода. Классическая персидская поэзия добавляет к этой теме новое измерение. Как свидетельствуют дошедшие до наших дней источники, канон этой поэзии начал складываться не позднее X в.; он развивался и неоднократно претерпевал эволюцию, но поэтическая революция и радикальный слом начались только в XX в. Важную роль в поэзии играло искусство поэтического ответа или подражания. В разного рода «подражаниях» поэты отвечали на стихи своих предшественников и современников, разрабатывали их находки, мотивы и сюжеты, соревновались и спорили с ними.

Благодаря этому корпус классической поэзии представляет собой многомерное пространство, объединенное как синхроническими, так и диахроническими связями. Одним из средств такого объединения служит общий репертуар мотивов и сюжетов, а значит, и имен персонажей, реализующих эти сюжеты. Среди них – имена персонажей национального иранского эпоса, коранических и околоранических преданий, героев романических поэм, знаменитых исторических персонажей. Традиция выделяет определенные свойства этих персонажей и некоторые узловые моменты их историй. Таким образом, большинство этих имен оказывается имплицитно связанным с определенным кругом мотивов и задает парадигму, которая определяет как развертывание текста, так и восприятие его читателем. Особую группу составляют имена, общие для авраамической и античной традиций. Доклад посвящен проблемам перевода имен этой группы.

Леонтьев Борис Борисович

д-р экон. наук, профессор

*ООО «Федеральный институт сертификации
и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса»*

(Москва)

info@sois.ru

Интеллектология – наука об интеллектуальных измерениях

Саморазвивающиеся интеграционные процессы в сфере научных знаний и информационных технологий, в сфере знаний о человеке, результатов его интеллектуальной деятельности, быстро саморасширяющихся отношений с интеллектуальной собственностью требуют формирования нового интеграционного научного знания. Формат этого знания определяется нами как интегральное междисциплинарное системное объединение знаний касательно интеллекта и результатов творческой деятельности. Этому в полной мере способствуют оценки, обсуждения и семинары, связанные с признанием феномена интеллектуальной природы как третьей после неживой и живой.

События последнего времени, связанные с обсуждением третьей природы в академической среде, естественным образом ведут нас к возникновению новой науки – *интеллектологии*. Интеллектология является наукой о системном формировании, функционировании и развитии интеллекта. Системность выстраивается на трех базовых асимметричных осях координат:

- естественный и искусственный интеллект;
- внутренняя и внешняя среда системного функционирования интеллекта;
- проблемы и их разрешение, определяющие качества и количественные характеристики интеллекта.

Ценность данной модели состоит в том, что она целиком охватывает все проблемы формирования, функционирования и развития интеллекта сегодняшнего и будущего. Ключевой проблемой здесь является определение интеллекта не как механизма многофункционального действия, а как механизма полифункционального действия.

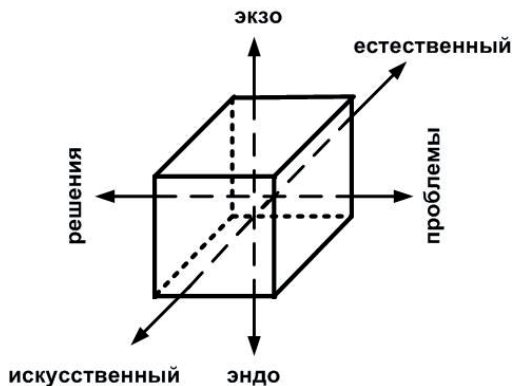

Рис. Базовые измерения интеллекта

Под интеллектом следует понимать способность понимать и разрешать проблемы человека и человечества. Исходя из этого определения, искусственный интеллект, способный многократно быть более эффективным, чем живой интеллект в монофункциях (счета, чтения, фиксации предметов, их памяти и так далее), не может превосходить живой интеллект в понимании проблем и эффективном ситуационном реагировании. Такую примитивную модель интеллекта по схеме «проблема – решение – действие» специалисты по искусственному интеллекту не смогут создать даже для комара и мухи в ближайшие 150–200 лет. А учитывая, что человечество со всеми его проблемами постоянно усложняется структурно и содержательно, то понимание проблем, тем более актуальных, постоянно меняется и усложняется. Зная и понимая это обстоятельство, несложно догадаться, что искусственный интеллект не в состоянии превзойти живой интеллект, особенно если живым интеллектом будут заниматься суперспециалисты. Живой интеллект должен эффективно развиваться и через более глубокие исследования его возможностей и через организацию сочетания разных интеллектов между собой. Необходимы новые методы измерения интеллекта по всей гамме его возможностей и функционирования.

Данная модель лишь отображает базовые измерения интеллекта, но далеко не все необходимые.

Лукьянов Дмитрий Викторович

канд. ист. наук, доц.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
lukadmiv@mail.ru

Дивергентные сферы
современных научных революций:
медиаграфия и историография
в коалиции медиумов современности

В социально-гуманитарном познании последней трети XX – начала XXI в. понятие «революция» обретает строго эпистемологические коннотации и становится устойчивым маркером для обозначения происходящих глобальных трансформаций и сдвигов в когнитивном репертуаре имеющихся парадигмальных оснований современного научного знания.

В поле гуманитарных и социальных наук – чаще всего размышляют о так называемых «коммуникативной», «сетевой», «глобальной», «технологической», «медиалогической», «цифровой/дигитальной», «историографической» революциях и т. п., которые особым образом при рассуждении о них – тематизируют новые диффузионные пространства для междисциплинарных связей и качественно новых областей научного взаимодействия. В данной статье хотелось бы остановиться на определенной критической позиции в отношении обозначенного вектора «общереволюционного» развития, отмеченного в динамической модели изменения современного научного знания и познания. Общее качество в «событийности» последних из всех вышеперечисленных научных революций – это, на наш взгляд, то, что они порождают различного рода *расколы* и приводят в целом к *дивергенции* социального поля науки. Последний феномен, наряду с конвергенцией, не содержит в себе негативных коннотаций, если под дивергенцией понимать стратегию поиска единства профессиональных сообществ на базе их принципиальных интеллектуальных различий.

В этом плане одним из аспектов размышлений о базовых характеристиках образования и присутствия такого рода дивергентных полей в современной науке представляется соотношение

разворачивающихся медиалогической и историографической революций, итоги и перспективы которых по-разному и различно, но выражают, на мой взгляд, общее качество *когнитивной неопределенности* в социальных и гуманитарных науках. Когнитивная неопределенность, или ситуация *высокой комплексности контингентного* – являются определяющими характеристиками в данных типах отмеченных научных революций и образуют особое поле или (дивергентную) «коалицию» медиумов понимания актуальных вызовов современности.

Лярский Александр Борисович

канд. ист. наук

Высшая школа печати

и медиатехнологий СПбГУТД

(Санкт-Петербург)

lam732007@yandex.ru

Междисциплинарность как неизбежность: исследование солдатского песенника Первой мировой войны

В моем распоряжении оказался песенник молодого солдата, служившего в русской армии в 1916–1917 годах. Это фактически записная книжка, в которую заносились сведения, необходимые по службе, любовные тексты, а также песни. После войны этот песенник также использовался как записная книжка для фиксации различных хозяйственных сведений.

Для интерпретации этого источника необходима известная широта и междисциплинарность подходов, необходимо опираться на достижения исторической психологии, антропологии и фольклористики. С этой точки зрения песенник нельзя рассматривать только как записи текстов.

Перед нами исторический памятник в прямом смысле этого слова. Это личный памятник. В записной книжке оставлены только три типа страниц – хозяйственные записи 20-х годов, чистые страницы и тексты песен. Последние предваряет запись «В Память Русской Германской войны». Все остальное вырвано. Чем же так дорог был этот песенник автору? Для него это дневник душевной жизни. Мне хотелось бы акцентировать внимание не столько на текстах песенника, а на тех чувствах, которые они пробуждали в солдате. Причем эти чувства были настолько важны для нашего героя, что память о них он хранил очень долго. В этом плане с известной осторожностью он – автор – может быть уподоблен тем нашим современникам, которые не ведут дневников, но бессловесно фиксируют свои чувства мемами, наборами фотографий или строчками плейстиков.

С одной стороны, перед нами памятник взросления души, обретение языка чувств. По сохранившимся семейным преданиям, автор был юн. Война стала для него не только военным

испытанием, но и порой эмоционального взросления. Интересно, что собственно воинские, боевые переживания представлены слабо, хотя у самого солдата были военные награды – Георгиевская медаль и Георгиевский крест. Но весь 1916 год он записывает только жестокие романсы и любовные тексты. В современной истории эмоций принято положение об общественно признанных образцах чувств, по выражению А. Зорина, «эмоциональных матрицах». Обычно этот тезис доказывается на примерах влияния литературных образцов на поведение образованных читателей. Мы видим на примере солдатского песенника, что у призванного на войну крестьянина «эмоциональные матрицы» создаются из жестоких романсов и «письменного фольклора», из которых он компилирует любовное послание.

Также перед нами памятник обретения гражданской позиции – с 1917 г. меняется тематика записанных песен. Перед нами уже революционные тексты, хотя и не самые распространенные (нет ни Варшавянки, ни Марсельезы, ни Интернационала). И меняется не только содержание текстов, но, что самое главное – самоидентификация автора песенника. Это видно по изменению подписи.

Дело в том, что автор песенника, будучи крестьянином, относился к своим записям, как ремесленник к собственному изделию, или, скорее, как переписчик рукописей к своему труду. Автор песенника подписывал записанные им фольклорные тексты. И эти подписи позволяют проследить определенную эволюцию самовосприятия личности. В записной книжке есть несколько видов подписи – с полным указанием гражданского места жительства, с полным указанием военной части и должности. Эти подписи фиксируют состояние, в которое наш герой попал независимо от собственной воли – ни место рождения, ни пребывание в армии его выбором не были. Но вот последняя подпись знаменует собой собственный выбор – в 1917 г. автор записной книжки подписывается не крестьянин Иван Талашов, не младший фейерверкер Иван Талашов, а «гражданин Иван Талашов».

Судя по всему именно эту историю – историю эмоционального становления, обретения языка любви и ощущение себя гражданином и берег автор песенника практически всю свою жизнь. Раскрыть это обстоятельство невозможно вне междисциплинарного подхода, понимаемого как использование достижений и методов различных гуманитарных дисциплин.

Маловичко Сергей Иванович

*д-р ист. наук, проф.
Государственный
гуманитарно-технологический университет
(Орехово-Зуево)
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
sergei.malovichko@gmail.com*

Румянцева Марина Федоровна

*канд. ист. наук, доц.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
m_roumiantseva@hse.ru*

«Вещный поворот» vs источниковедение в гуманитаристике рубежа XX–XXI вв.

В гуманитаристике конца XX в. наметилось «возвращение к вещам», «поворот к материальному» как своего рода преодоление постмодернистского текстоцентризма/нарративизма/деконструктивизма, проявление ностальгии «по реальности как таковой» [Э. Доманска, 2006].

Среди ряда факторов обновления «интереса к вещам» Э. Доманска выделяет участие вещи в создании человеческой идентичности, а также возобновление споров по проблеме человеческого/нечеловеческого. Данная проблематика рассматривается польской исследовательницей в более широком контексте перформативного поворота – смещения фокуса внимания с текста на действие, которое не может не быть опосредовано вещами (не затрагиваем здесь различие вещь/объект, впрочем, весьма очевидное).

Но если «поворот к вещам» в историческом познании в «новом гуманитарном знании», преимущественно англо-американском, наметился лишь в конце XX в., то в российской исторической науке его предпосылки, – естественно на иных эпис-

темологических основаниях, – были заложены веком раньше. В его основе специфика русской версии неокантианства, акцентировавшей внимание на объективации человека в «материальных... обнаружениях чужой душевной жизни» [А.И. Введенский, 1892] или в «реализованных продуктах человеческой психики» [А.С. Лаппо-Данилевский, 1910–1913], т. е., – в отличие от Баденского неокантианства, – на эмпирическом объекте исторического познания, в качестве которого выступала «вещь».

Новая концептуализация «вещи»/«интеллектуального продукта» произведена, – в развитие заложенных русскими неокантианцами эпистемологических основ, – О.М. Медушевской, сформулировавшей концепт «эмпирическая реальность исторического мира» как базовый в теории когнитивной истории.

Но в отличие от польской исследовательницы, связывающей «поворот к вещам» с преодолением антропоцентризма исторического знания, О.М. Медушевская подчеркивает: «Вещь как категория мыслима не в природе, но в человеческом мире». Таким образом, речь не о вещах, а об опосредованном вещами информационном обмене между людьми, который происходит не только в пространстве, но и во времени, что, с одной стороны, обуславливает исторический процесс, а с другой стороны, дает надежную эмпирическую основу для его познания.

Метель Ольга Вадимовна

канд. ист. наук, доц.

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

(Омск)

olgametel@yandex.ru

Некоторые особенности институциональной структуры советской исторической науки 1920-х гг.

В рамках настоящего доклада мы попытаемся выделить ряд базовых особенностей, характерных для институциональной структуры советской исторической науки в 1920-е гг. В историографии на протяжении долгого времени данным сюжетам уделялось недостаточно внимания. Советские авторы рассматривали историю научных центров вне политического и социокультурного контекста эпохи, реконструируя основные этапы эволюции ключевых столичных институций. В постсоветский период, наряду с пристальным вниманием к особенностям внутреннего развития основных советских научных центров исторического профиля 1920-х гг., исследователи обратились к анализу механизмов воздействия на них со стороны представителей властных структур. Добившись на этом поприще интересных результатов, историографы, однако, предложили ряд объяснительных схем, требующих на сегодняшний день некоторых уточнений. К числу таковых, по нашему мнению, относятся представления о решающей роли власти в деле институционального строительства в 1920-е гг. и о разделении научных центров этого периода на «марксистские» и «буржуазные».

На наш взгляд, для советской исторической науки 1920-е гг. стали временем «институциональных экспериментов». Если до революции основными центрами производства и трансляции исторического знания являлись университеты, то в послереволюционный период на роль таковых начали претендовать структуры иного характера. Типологически мы можем их разделить на науч-

Доклад подготовлен при поддержке Гранта Президента, проект № МК-688.2017.6.

но-исследовательские институты и академии, учреждения учебного характера (университеты, коммунистические университеты, педагогические институты и др.) и научные общества. Открытие новых центров не укладывалось в рамки заранее разработанного плана и во многом было обусловлено инициативой отдельных лиц (как коммунистов и марксистов, так и беспартийных ученых, далеких от марксизма). Многие решения носили вынужденный характер и были обусловлены обстоятельствами текущего момента. Партийно-государственный контроль за деятельностью советских учреждений исторического профиля был ограниченным.

С точки зрения внутренней организации научные и учебные центры исторического профиля, действовавшие в СССР в 1920-е гг., отличались известным своеобразием. Одной из базовых особенностей советских учреждений этого времени было отсутствие строгой целевой установки в их работе, что приводило к дублированию их функций, когда и научный институт, и научное общество ставили перед собой одни и те же задачи. В то же время на протяжении 1920-х гг. советские научно-образовательные центры находились в состоянии постоянной институциональной перестройки, регулярно меняя свою организационную структуру, кадровый состав, направление деятельности и ведомственное подчинение. До начала «культурной революции» строгого разделения на «марксистские» и «немарксистские» центры не проводилось, хотя попытки создания специфических марксистских центров с целью консолидации сил историков-марксистов предпринимались. Рождение подобной дихотомии пришлось на рубеж 1920–1930-х гг.

«Институциональные эксперименты» в советской науке были завершены к середине 1930-х гг., когда произошел переход к твердой структуре организации научного знания, состоящей из двух основных секторов: вузовского и академического (при участии в проведении исторических исследований представителей музеев и архивов).

Миронов Борис Николаевич

д-р ист. наук, проф.

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербурге)

mironov1942@yandex.ru

Когнитивные процессы и их влияние на поведение русских крестьян начала XIX – начала XX в.

Для современных обществоведов аксиоматично, что в ходе исторического развития изменяются право и мораль, политические учреждения и институты, научные представления и содержание общественного сознания. Между тем в психологии получила широкое признание также концепция об историческом характере мышления и сознания в целом – сознание людей со временем изменяется не только по содержанию, но и с точки зрения строения, характера высших психических процессов человека, таких как восприятие, память, активное внимание, воображение, отвлеченное, или абстрактное, мышление, волевое действие, самосознание, индивидуализм.

Предельным выражением идеи об историческом развитии психики является *теория рекапитуляции*, или теория культурных периодов, утверждающая: 1) если индивидуальный человеческий организм в своем внутриутробном развитии повторяет весь ряд форм, которые прошли его животные предки за сотни миллионов лет, от простейших одноклеточных существ до первобытного человека, то ребенок в период детства проходит весь ход развития человечества от первобытной дикости до современной ему культуры; 2) в онтогенезе детской психики воспроизводятся основные стадии биологической эволюции и этапы культурно-исторического развития человечества. Другими словами, все культуры в своем развитии проходят ряд стадий (или периодов), а развитие каждого индивида повторяет последовательность этих периодов. Процесс индивидуального развития, или онтогенез, повторяет процесс исторического развития видов, или филогенез.

Доклад подготовлен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

Толкование биогенетического закона в современной науке звучит так: онтогенез – это процесс программированного развития зародышевого зачатка, включающего возможность случайных изменений в генотипе клеток под влиянием мутаций. Биогенетический закон имеет общебиологическое значение, т. е. применим к миру растений, животных и человека. Применительно к человеку историческому развитию подвержены три области сознания: психофизическая – размеры и формы тела и органов, структуры мозга, сенсорные возможности и сенсорные навыки (нейро- и психодинамика, психомоторика); психосоциальная – эмоции, свойства личности и социальные навыки; когнитивная – все умственные способности и психические процессы, включая организацию мышления.

Исследователь, исходящий из убеждения, что психический склад людей не изменяется, невольно наделяет наших предков мироощущением современного человека, а вслед за этим приписывает людям той или другой эпохи несвойственные им установки и мотивы поступков. В докладе сделана попытка применить наблюдения антропологов и психологов к анализу когнитивных способностей крестьянства и их влияния на социальное и политическое поведение русского крестьянства XIX в. Предлагаемые интерпретации являются гипотетическими и пилотажными. В анализе будут использоваться наблюдения интеллигентных современников, которые нередко описывали когнитивные и социальные практики крестьян в рамках дискурса предрассудков, суеверий, безграмотности, отсталости, вины интеллигенции перед народом, сострадания, слияния и опрощения.

Мистрюгов Павел Алексеевич

*канд. ист. наук, ст. преп.
Самарский государственный
медицинский университет
(Самара)
pavel892006@yandex.ru*

Репрезентация истории Самары
в цифровом пространстве
в контексте формирования
ее историко-культурных брендов

Цифровой поворот к истории, как пишет Л.И. Бородкин, был вызван «бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, массовой оцифровкой исторических источников» и рядом других обстоятельств¹. В связи с этим актуализируются не только парадигмальные сдвиги в самой исторической науке, но оказываются затронутыми обыденные формы исторического сознания. Возникает насущный вопрос о потенциале публичной истории, с одной стороны, и современного состояния региональной туристической и рекреационной индустрии, а именно ее историко-культурного кластера, с другой. Экскурсионное слово формирует в сознании населения и гостей города привлекательные образы местных достопримечательностей и событий. Исследование тематики и средств репрезентации истории Самары в виртуальной реальности является актуальной задачей.

На сегодняшний день в Самаре доминируют частные компании, которые занимаются историко-культурным туризмом. Анализ тематики их экскурсионно-туристической работы показывает, что предлагаемые маршруты лишены концептуального восприятия исторического процесса и понимания его локальной специфики. Несмотря на количественное разнообразие маршрутов, они не объединены в устойчивый образ или серию образов; отсутст-

¹ *Бородкин Л.И.* «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: новая информационная среда или новая парадигма? // *Профессия – историк (К юбилею Л.П. Репиной)* / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 114.

вует брендостратегия продвижения историко-культурных образов города, области, памятных мест, которая соединяла бы уровень информационной продукции, экскурсий, образовательной деятельности, он-лайн средств представления в единый комплекс. Тем не менее, к числу перспективных ресурсов инновационного развития российских территорий относят их историко-культурный потенциал².

Перспективным опытом построения брендинга истории Самары является деятельность неформальной ассоциации молодых историков «Школа исторической грамотности «Самарика»». Школа объединяет научно-исследовательскую, экскурсионно-туристическую, образовательную и издательскую функции. Кроме традиционных форм (лектория и образовательных курсов) применяются средства коммуникации, предлагаемые социальными сетями («ВКонтакте», «Инстаграм»).

В принятой программе экскурсионно-туристической деятельности и средств он-лайн представления местной истории заложено соотношение дореволюционного, советского и современного периодов, отвечающее реальной исторической действительности. Уделяется внимание проблеме влияния природно-географического фактора на историю Самары, анализируются различные знаки дореволюционной, советской и новейшей эпох в современном городском пространстве; рассматриваются исторические личности, внесшие значительный вклад в развитие Самары; уделяется внимание глобальным событиям – революции 1917 г., гражданской войне; история повседневной жизни представляется на примере духовно-религиозной жизни самарцев. Советский период в истории Куйбышева раскрывается, прежде всего, на примере достижений в области индустриализации, освоении космоса и роли Куйбышева как запасной столицы в годы Великой Отечественной войны.

В репрезентации истории Самары в цифровом пространстве в контексте формирования ее туристических брендов должен быть пройден путь от исторического знания до исторического бренда как социокультурного знака, разделяемого и узнаваемого обществом.

² Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / Под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 5.

Мишина Екатерина Максимовна

*канд. ист. наук,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
zuu@inbox.ru*

Унификация данных в работе с «большими данными» на примере wiki-проекта «Открытый список»

«Открытый список» – самая полная база данных жертв политических репрессий, работающая на движке MediaWiki. Каждый может добавить в нее новые имена, написать историю человека, прикрепить фотографии и документы. Основу данных составляют сведения базы данных Международного «Мемориала», но количество записей в ней не соответствует количеству людей: многие упомянуты дважды как в одном источнике, так и в разных. Страницы дублируются из-за опечаток в установочных данных; в некоторых Книгах памяти один и тот же человек записан по арестам разных лиц.

Мы разрабатываем алгоритмы для поиска и объединения дублирующих формуляров. Информация в них также нуждается в унификации: мы создаем единые формы записей для различных биографических полей. Эта работа проводится сотрудниками «Открытого списка» и на материалах следственных дел репрессированных в Москве и Московской области, с которыми мы работаем в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в рамках совместного проекта по созданию Книги памяти репрессированных москвичей.

Мухин Олег Николаевич

д-р ист. наук, доц.

*Томский государственный
педагогический университет
(Томск)*

himan1@rambler.ru

«Над кем смеетесь?»:
К методологии анализа социокультурной роли смеха
в историческом исследовании

Обращение в рамках междисциплинарного подхода к теоретическим наработкам из арсенала смежных гуманитарных дисциплин, помимо прочих положительных результатов, позволяет историку подступиться к изучению тех проблем, которые без такого обращения зачастую не становятся предметом исследования (так как в отсутствие соответствующего методологического инструментария не воспринимаются как научные проблемы вообще, либо отпугивают своей кажущейся неразрешимостью).

При этом историку зачастую следует предварительно подвергнуть наработки коллег-гуманитариев корректировке. Дело в том, что положения, выдвигаемые представителями других специальностей, для которых принцип историзма не является определяющим, не всегда выдерживают проверку при столкновении с конкретным историческим материалом. Наглядный пример – теория антрополога А.Г. Козинцева, на сегодняшний день самая новаторская и последовательная в сфере изучения проблемы функций смеха в человеческой культуре. А.Г. Козинцев предлагает вполне убедительное объяснение происхождения и смысла смеха как такового, при этом фактически приходя к последовательно-отрицанию его социокультурного смысла, видя в нем внеисторическое, внекультурное явление. По его мнению, «юмор... не включает в себя отношение к объекту внешнего мира, а, наоборот, отключает, нейтрализует его», «отношение к реальному объекту не играет здесь никакой роли».

Историк не может согласиться с этим. При обращении к конкретному историческому материалу (один из самых благодатных периодов – время Петра I, характерное смеховой экспансией в форме простроенных пародийно-кошунственных мероприятий)

показывает, что человек или социум часто выбирают себе конкретные цели для смеха. Петр, любивший в повседневной жизни посмеяться «просто так», для осмеяния в рамках деятельности Всешутейшего собора выбирает своим объектом именно церковь и именно обычаи старины. (Характерно, что историками не предпринимались попытки объяснить причины и смысл этого явления, публикации по данной проблеме по большей части принадлежат перу филологов и культурологов, однако они, как правило, чрезмерно увлекаются попытками рационализировать петровские смеховые действия).

В таком случае, стоит ли обращаться к теории А.Г. Козинцева? Стоит, ибо в ее центре – определение, которое, фактически развивая идеи М. Бахтина, наиболее полно выражает именно социокультурный смысл смеха: смех – это знак коллективной негативистской игры против культуры как свода обременительных правил и запретов. Отталкиваясь от этого определения, историк, имея в виду тот очевидный для него факт, что смех может быть целенаправленным и при этом вполне результативным, и призвав на помощь психологию (в первую очередь, теорию психологической игры Э. Берна), может прийти к выводу о компенсаторном и защитном характере канализированного, адресного смеха для его носителя. Простроенный пародийно-кошунственный смех способствовал снятию в психике Петра I напряжения, вызванного постоянным нарушением им традиционных устоев русской православной культуры.

Таким образом, теория А.Г. Козинцева может быть весьма полезным инструментом в историческом исследовании, будучи откорректирована при сопоставлении с историческими реалиями в рамках методологического синтеза, и способствовать адекватному объяснению этих реалий.

Насиров Ильфат Рифкатович
магистрант
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)
nasirov.ilfat@mail.ru

«Самое бессмертное и ценное
в человеческой жизни – это мысль»:
научная деятельность Н.Д. Кондратьева
в условиях тюремного заключения

Судьба великого отечественного экономиста Н.Д. Кондратьева (1892–1938) на протяжении долгих лет вызывает большой интерес у исследователей. В силу ограниченности сведений наиболее спорными и неоднозначными остаются мнения ученых относительно заключительного этапа жизни ученого и научного наследия, созданного в это время.

При изучении восьмилетнего периода заключения Кондратьева в сталинских тюрьмах, с 1930 по 1938 год, огромную значимость приобретают письма ученого жене и дочери. Они являются единственным достоверным источником информации о научной деятельности в течение последних лет его жизни. Письма значимы в силу нескольких причин. Во-первых, в них содержатся важные научные суждения по проблемам экономической теории, социологии и философии. Во-вторых, они позволяют проследить эволюцию взглядов ученого в течение восьми лет заключения. В-третьих, в них приводятся обширные списки книг и статей, которыми пользовался Н.Д. Кондратьев в процессе написания последней монографии. В-четвертых, в письмах содержатся научные планы Кондратьева на ближайшее будущее. Тем самым письма позволяют изучать научное наследие этого периода как единое целое.

В условиях заключения ученым была написана и передана жене рукопись монографии под названием «Основные проблемы экономической статистики и динамики». Она опубликована в 1991 г. Данная работа – лишь часть задуманного им исследования, которое должно было включать в себя пять книг, в которых Кондратьев предпринял попытку синтеза подходов естественных, формальных и социогуманитарных наук для построения теории.

Исследование писем и незаконченной монографии позволяют оценить научное наследие этого периода как попытку создания завершающей теории социально-экономической динамики, составной частью которой является теория циклов. В связи с этим изучение наследия ученого требует от исследователя междисциплинарного подхода, способного комплексно охватить изучаемый предмет.

Цель доклада – попытка анализа научных поисков Кондратьева на основе эпистолярного наследия и текста незаконченной монографии. Это позволит произвести реконструкцию научной деятельности ученого в условиях тюремного заключения.

Округин Дмитрий Николаевич

магистрант

Череповецкий государственный университет

(Череповец)

primarh4@yandex.ru

«История и психология».

Взгляды авторов периодических изданий в США на голод в Российской империи в 1891–1892 гг.

Одной из самых злободневных тем на данный момент в российском общественном ментальном поле является взаимоотношения и сотрудничество США и России. В психологии отечественного массового общественного сознания граждане США представляются «заклятыми врагами» и наоборот. Такое положение действительности не ново для российского государства, однако во время социально-экономических кризисов, которые ставят перед социумом вопрос – «физического выживания» (к примеру, голод), вчерашние враги зачастую становятся спасителями. Российская история знает около сотни проявлений массового голода среди населения. Одной из вновь разрабатываемой в научных кругах темы является голод 1891–1892 гг., в основном, правда, исследования затрагивают экономическую часть вопроса, а вопросы психологии: изменчивости отношений между крестьянами и властью, между российской интеллигенцией и иностранными меценатами упоминаются лишь вскользь.

Понимание американской позиции в помощи в борьбе с голодом, благодаря рассмотрению и соотношению частных и общественных норм, при условии падения нравов, нужды, безработицы, нищеты большей части населения и последовавшей за ней маргинализации трудящихся, способно поставить новые вопросы о внутреннем и внешнем положении России в конце XIX – начале XX в., межгосударственных и частных отношениях США и Российской империи, и закономерности революционных событий.

Благодаря появлению новых источниковых баз, таких как: оцифрованный архив газеты «NY Times», «North Western Miller», «Christian Herald», а также архиву Л.Н. Толстого, который издался в США, перед исследователем встает вопрос о различных психо-

логических аспектах, их направленности на социальную группу в речовках, призывах, письмах и слоганах.

На данный момент, нельзя с полной уверенностью говорить о главной и общей цели лидеров и редакторов газет и журналов США. По всей видимости, из-за разницы в ориентации того или иного периодического издания на свой круг читателей разнятся и конечные «призывные» цели, с которыми авторы обращаются к публике. Однако можно выделить созданный прессой общий образ русского крестьянина как «страдающего человека, под гнетом государственной машины». В противовес такому образу создается аппарат государственного насилия, якобы не заботившегося об интересах собственного народа, что уже в свою очередь повлияло на сравнительно большой объем помощи, выказанной американскими благотворительными движениями, и частными лицами. Определенный интерес имеют взгляды жителей США на причину голода в Российской империи. В качестве основного фактора голода подавляющая масса источников указывает на существующий политический режим, – отсутствие демократии и политических свобод. Такие формулировки ставят перед исследователем следующий вопрос – способы информирования и получения данных о голоде в России.

Таким образом, хочется подчеркнуть, что в американских массовых печатных изданиях проблема голода в России вызвала широкий резонанс, создавший прецедент не только для психологической эмпатии двух народов в кругах интеллигенции и буржуазии, но также в низовых кругах и политических движениях.

Олешкевич Екатерина Валерьевна

аспирант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Москва)

kat.oleshkevich@gmail.com

Первые воспоминания в автобиографиях евреев Российской империи: попытка историко-психологического анализа

Ценность первых воспоминаний для понимания личной истории была впервые отмечена австрийским психологом Альфредом Адлером, считавшим, что первые воспоминания неслучайны и являются своего рода «историей жизни» человека, косвенно обозначая ключевые черты его характера и сложности и указывая на его «стиль жизни». С точки зрения культурно-исторического подхода в психологии к этому можно добавить, что первые воспоминания также являются отражением культурно-исторической ситуации развития ребенка и общества вокруг него.

Метод анализа первых воспоминаний активно применяется в психологии и психотерапии. Частичное перенесение его в историческое исследование позволяет по-новому исследовать как структуру мышления человека прошлого в целом, так и само детство и отношение к детству в частности.

Автобиографии представляются подходящим источником для такого рода анализа, поскольку являются личной историей автора, написанной им же. Разумеется, автобиография субъективна и может содержать ложные воспоминания (например, рассказанные человеку кем-то и оставшиеся в памяти) – точно так же, как и рассказ человека о первых воспоминаниях на психотерапевтической сессии, однако для такого исследования не принципиально, имеем мы дело с истинными первыми воспоминаниями или ложными, поскольку сам факт их фиксации в качестве первых воспоминаний указывает на их особую значимость для автора, а значит, и на важность их анализа.

Еврейские автобиографии начинают появляться в Российской империи начиная с 70-х годов XIX в., причем распространение этого жанра в еврейской среде происходит крайне быстро – начинается своеобразный «бум» еврейского жизнеописания,

ставший следствием и символом активной модернизации еврейского общества в Российской империи в этот период.

В докладе будут рассматриваться первые воспоминания из автобиографий евреев, родившихся начиная с 30-х годов XIX в. и до начала XX в. в черте оседлости, также будет проводиться сравнительный анализ первых воспоминаний у различных поколений авторов. Типология первых воспоминаний, в частности, выделение тем и сюжетов, которые представлялись человеку бессознательно важными, нарративные тенденции в их описании, а также возрастная их структура позволяют делать выводы о детстве и отношении к ребенку в еврейском обществе в черте оседлости в конце XIX в.

Павленко Екатерина Руслановна

студент

ИОН РАНХиГС

(Москва)

e.r.pavlenko@gmail.com

Мультимедийный лонгрид против сайта:
сравнение способов репрезентации
результатов исследования
со сложной проблематикой

Выбор подходящего способа репрезентации результатов исследований широкой публике является одним из проблемных мест в области Digital Humanities. От него зависит не только охват аудитории, но и достижение поставленных авторами целей. Особенно это касается академических проектов, затрагивающих темы, провоцирующие на эмоциональные реакции, например, связанные с травматическим прошлым.

Нами была предпринята попытка создать онлайн-проект, посвященный присутствию в топонимике г. Москвы имен организаторов и исполнителей политических репрессий в XX веке, чтобы продемонстрировать, как отдельные составляющие одного из компонентов исторической памяти – коммеморации – способны не подвергаться рефлексии и сохранять статус-кво даже в условиях смены государственного режима и отмены идеологической монополии. Критерием отбора топонимов в оригинальном исследовании являлась прямая документированная причастность персоны, чье имя трансформировано в топоним, к санкционированию, организации и исполнению репрессий вне зависимости от предшествующей и последующей биографии этой персоны.

Проект сначала был опубликован в качестве самостоятельно-го сайта на базе Drupal 7, выстроенного вокруг карты г. Москвы, на которой были отмечены все отобранные в ходе исследования объекты. Для каждого из объектов была подготовлена статья с полной биографией исторической фигуры, имя которой легло в основу топонима. Такой формат позволил максимально подробно описать цели и принципы проекта, чтобы избежать неверной трактовки информации, опубликованной на сайте. В свою очередь, сами материалы предполагали достаточный объем фактов, при помощи

которых сведения об участии исторических фигур в репрессиях были бы помещены в более широкий биографический контекст.

Впоследствии результаты исследования были изложены в виде мультимедийного лонгрида для издания о городской среде The Village, что предполагало значительный рост охвата аудитории, с одной стороны, и потерю части исходных данных – с другой. Важно и то, что компрессия проводилась при вмешательстве редакторов издания, которые согласовывали формат материала и оставляли за собой его заголовки, что прямым образом повлияло на восприятие материала аудиторией.

Через два месяца после публикации, когда произошел спад активности пользователей в отношении материала, стало возможно более полно сформулировать особенности формата мультимедийного лонгрида, в том числе выделенные на основе наблюдений за реакцией на материал и его распространением.

	Мультимедийный лонгрид	Сайт
Временные затраты на ознакомление	Средние	Высокие
Издержки на навигацию	Очень низкие	Высокие
Потенциальный охват аудитории	Высокий	Средний
Степень полноты информации	Средняя	Высокая
Вероятность искажения исходного сообщения исследователя	Высокая	Низкая

Пачкалов Александр Владимирович

канд. ист. наук, доц.

Финансовый университет

при Правительстве РФ

(Москва)

zolornum@mail.ru

Монеты как источник по социальной истории Золотой Орды

Монеты Золотой Орды являются одним из важнейших источников для изучения истории Восточной Европы в XIII–XV вв. Для ряда вопросов истории Золотой Орды именно нумизматические источники являются основными, а иногда и единственными. Упоминания дат, имен правителей, населенных пунктов дают в руки исследователей ценный источник по исторической географии Золотой Орды. Вместе с этим монетные находки являются уникальным источником по экономической и социальной жизни золотоордынского государства. На мой взгляд, возможно привлечение данных нумизматики (в первую очередь кладов) для реконструкции социальной истории Золотой Орды. Анализ кладов позволяет делать выводы относительно изменения их размеров, т.е. выводы о динамике благосостояния той части населения золотоордынского государства, которое пользовалось монетами. В настоящее время известно более тысячи кладов с монетами Золотой Орды.

Для золотоордынских кладов XIII в. и XV в. характерны значительные размеры, клады XIV в. более многочисленны и в основном имеют меньший размер, что по всей видимости отражает определенные тенденции, связанные с распределением серебра между различными социальными группами в Золотой Орде.

В основном в разрушении Золотой Орды отмечалась ведущая роль завоевательных походов эмира Тимура 1390-х гг., но в 1360–1370-е гг., в ходе «великой замятни» экономика государства пострадала сильнее, чем в результате войн с Тимуром. На мой взгляд, причины гибели Золотой Орды следует искать в социально-экономической сфере. Данные кладов свидетельствуют о формировании «среднего слоя» в период расцвета Золотой Орды (первая половина XIV в.). В ходе «великой замятни» в 1360–1370-е гг. этот

«средний слой» был в основном уничтожен (свидетельством этого являются многочисленные клады 1360-х гг. – сбережения погибших), во второй половине XIV в. в золотоордынском обществе усилилась социальная и имущественная дифференциация, о которой свидетельствуют клады этого времени (уменьшение числа кладов при увеличении их размера).

Пчелов Евгений Владимирович

*канд. ист. наук, доц.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
evg-pchelov@yandex.ru*

Имя «Александр»
в русской династической истории
и культуре XVIII–XIX вв.

В докладе будет представлена история имени «Александр» в династическом и культурном контексте России XVIII–XIX вв. Актуализация имени в царской семье Романовых впервые произошла еще в конце XVII в. и не была непосредственно связана с интересом к образу св. Александра Невского, однако при Петре Великом этот образ стал очень значим в символическом аспекте, что отразилось в ряде культурных явлений. Затем, уже собственно как династический антропоним имя «Александр» было возрождено Екатериной II, соотносившей его с образами и Александра Невского, и Александра Македонского (это сопряжение, кстати, было известно и в символической репрезентации самого Александра Невского). Затем имя «Александр» благодаря своему первому носителю и его огромной популярности в начале XIX в. распространилось не только в династии Романовых, но и во многих европейских династиях, где наследуется и до сего дня. Имя способствовало возрождению культа Александра Невского, стало основой для многих агиотопонимов и иных онимов, что будет на конкретных примерах показано в докладе.

Рижинашвили Александра Львовна

канд. биол. наук, ст. науч. сотр.

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

railway-ecology@yandex.ru

Фундаментальная экология
и природоохранная практика
в период тоталитарного строя в СССР:
историко-научный анализ взаимодействия
науки и режима

В России на протяжении XX века в общественном сознании (даже в кругу биологов-профессионалов) сложилась уникальная традиция отождествления фундаментальной науки экологии и практики охраны природы. При этом в зарубежном научном пространстве происходит четкое разделение «ecological» и «environmental» аспектов научной деятельности и практических мероприятий. Истоки этой традиции следует искать в исторических особенностях развития отечественной экологии. В частности, следует рассматривать два важнейших социальных фактора: резко усилившееся в 1930-е гг. идеологическое давление на науку (практика есть критерий истины) и интенсивная (подчас, хищническая) эксплуатация природных ресурсов (природу нельзя изучать ради знаний, ее нужно переделывать на службу социализму). В условиях действия этих факторов ученые-экологи вынуждены были перестроить свои исследования таким образом, чтобы соответствовать господствовавшей идеологии. Не меньшее значение в отождествлении экологии и охраны природы имеет и специфика экологии как науки, объединяющей знания и методы из других отраслей не только биологии, но и небиологических дисциплин. Обсуждаемая общественная практика уже привела к неправильному пониманию предмета и задач экологической науки, тормозит ее развитие, а также негативно сказывается на образовательном

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, № проекта 18-011-00733.

процессе. Учитывая особую роль экологии в планировании стратегий использования ресурсов на государственном уровне, необходимо выявление исторических предпосылок этой практики. Без этого невозможно успешное преодоление неверных взглядов. Историко-научный анализ феномена синонимизации экологии и охраны природы позволит в дальнейшем разработать модель одного из вариантов взаимодействия науки и общества, а также науки и власти. Цель моего сообщения – исследовать хронологию, пути и закономерности взаимодействия науки экологии и природоохранной практики в годы культа личности в СССР (примерно с середины 1920-х до середины 1950-х гг.).

В первом приближении можно представить, что тоталитарный период в развитии биологии в СССР может быть разделен на два этапа: до сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и после нее. Если на первом этапе происходило бесконтрольное использование природных ресурсов, часто без оглядки на их возможное полное исчерпание, для нужд индустриализации, то на втором этапе потребление ресурсов сменилось воплощением в жизнь Сталинского плана преобразования природы. На каждом из этих этапов к биологической науке предъявлялись определенные требования. Если в первом случае требовалось найти пути управления и регулировки стихийными и враждебными для человека процессами в природе, то во втором — провозглашалась задача обеспечения устойчивого воспроизводства хозяйственно ценной биомассы. На первом этапе на государственном уровне охране природы почти не уделялось внимание. На втором этапе появилось признание того, что нужно сохранять ценные виды. В обоих вариантах живые организмы рассматривались как объекты хозяйствования и потребления. Следовательно, науки, изучающие эти объекты (в том числе, экология и гидробиология), становились частью хозяйственной практики. Смешение теоретической и прикладной науки привело к «размыванию» их границ и отождествлению задач. Особенно наглядно это просматривается на материалах различных идеологических дискуссий. Таким образом, выявление исторических корней и закономерностей уравнивания в сознании экологии и охраны природы позволяет увидеть ошибочность такой системы взглядов и наметить пути к ее исправлению.

Романовский Николай Валентинович

*д-р ист. наук, проф.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
romanival@yandex.ru*

Социология + история – зоны взаимообогащения

Обсуждение взаимодействий истории и социологии – давняя традиция науки в нашей стране и в мире. Хорошо известными примерами на нашей памяти являются труды Б.Н. Миронова, Л.М. Дробижевой (показавших конкретные возможности взаимодействий на примерах анализа прошлого), а также и в плане методологическом (И.Д. Ковальченко). К сожалению, в последние годы в России интенсивность взаимодействия наших наук несколько снизилась.

У социологии и истории есть несколько зон взаимообогащения. Первой среди них выступает опыт обеих дисциплин в поиске фактов, новых, ранее неизвестных данных, – это занимает львиную долю затрат ученых обеих специальностей; и требования к данному разделу работы ученых примерно одинаковы. Истоки такой ситуации общепринято искать в истории науки второй половины XIX в. в германской научно-теоретической мысли. Принцип историзма имплицитно и эксплицитно присутствует в базовых разделах социологического знания. Весьма схожи подходы к интерпретации, подача обнаруженных фактов: «как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen war*). Для современного состояния наших наук характерно также – хотя в некоторой мере декларативное – противостояние любительству и дилетантизму, проникающим разными (в том числе изнутри) путями в науку.

В то же время обратим внимание на то, что развитие обеих наук сформировало в них некоторые черты специфики, требующие внимательной рефлексии по теоретико-методологическим причинам. 1. Выдвинутый М. Вебером принцип «свободы от цен-

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, № проекта 17-06-00407.

ностей» (wettfrei). Речь идет, в частности, о свободе от идеологических подходов, инвектив. В социологии он стал – хотя и обсуждаемым – но принципом. В среде историков современной России (не говоря уже о постсоветском пространстве), на мой взгляд, распространены отступления от него. 2. В социологии, хотя далеко непоследовательно, различаются теории собственно социологические (основанные на достоверных эмпирических данных) и социальные. Последние допускают известную долю умозрительности (в худшем случае – спекулятивности). 3. В социологии действует жесткое требование к употребляемой исследователем терминологии, в частности, ее однозначности («анализ понятий» по Р. Мертону). Понятий, не удовлетворяющих этому требованию, предпочтительно избегать. 4. Жесткие требования социолог призван предъявлять к анализу контекстов, «анализу рамочных условий» (frame analysis) действий и взаимодействий субъектов истории. 5. Последовательность действий социолога-исследователя предполагает этап выхода на уровень теоретизирования – формирование моделей, типологий, или более прижившихся в нашей среде закономерностей. В свою очередь, за этим этапом может следовать дискурс перспектив будущего (проектность), дефицит обсуждения которого в последние годы бесспорен.

Рубцов Алексей Андреевич

аспирант

*Санкт-Петербургский институт истории РАН
Европейский университет в Санкт-Петербурге*

*(Санкт-Петербург)
arubtsov@eu.spb.ru*

Социальные сети революционного движения
в России 1870-х годов
в материалах следственных дел

В Российской империи в 1870-е годы происходят изменения в политическом пространстве, в рамках которого появляются новые формы протестного политического действия. В таких условиях некоторые политические события могли стать серьезным вызовом для ведомств, занимавшихся обеспечением общественной безопасности и вовлеченных в расследования по государственным делам. В первую очередь речь идет о чинах III отделения, жандармах и чиновниках министерства юстиции.

Одним из таких политических вызовов стало массовое «хождение в народ» 1874 г. Практически сразу после того, как сотни молодых людей отправились в деревню, началось производство дознаний, которые вскоре были объединены в одно дело «о пропаганде в империи». Оно растянулось на 3 года, в течение которых было привлечено к делу около 2000 человек. Жандармы и прокуратуры, которые вели расследование, стали своеобразными «социологами» империи, собравшими в несколько томов следственных дел обширный материал по истории протестного движения в Российской империи в первой половине 1870-х годов. В историографии революционного народничества исследователи активно пользуются материалами следственных дел, однако редко обращаются непосредственно к изучению деятельности следственных органов и исследованию особенностей документов, созданных жандармами и прокуратурами.

Точка зрения вовлеченных в расследование ведомств оказалась крайне важна, так как интерпретации властей сильно

Доклад подготовлен при поддержке РНФ (проект № 17-78-10122).

влияти на процесс складывания образа революционного движения. Представленный материал был собран и проанализирован следователями через определенную оптику. Задачи моего исследования состоят в том, чтобы разобраться, как работало следствие и как создавалось это большое политическое дело. Для решения этих задач я использую методы анализа социальных сетей.

Данный социологический подход позволяет произвести исследование многочисленных данных, собранных следствием, о подследственных и их связях. Таким образом, возможно с помощью методов сетевого анализа данных проанализировать структуру документов дознаний и разобраться в том, как собирались, группировались и интерпретировались следствием данные о социальных связях подозреваемых. В свою очередь посредством описанных процедур можно проследить какими путями складывался образ революционного движения в 1870-е годы и как формировался различными государственными ведомствами ответ на политические вызовы со стороны протестного движения. Исследование будет произведено на материалах одного из следственных дел, являвшегося частью большого расследования «о пропаганде в империи», в котором собраны документы производившихся в Москве в 1873–1874 гг. дознаний.

Савельева Ирина Максимовна

д-р ист. наук, орд. проф.

ИГИТИ им. А.В. Поletaева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва)

isavelieva@yandex.ru

Интеллектуальная история в XXI веке. Экспресс-анализ

Доклад представит экспресс-анализ современной интеллектуальной истории, которая после череды кризисов и трансформаций находится в состоянии подъема. Одна задача доклада состоит в том, чтобы показать масштабы и разнообразие современных исследований по интеллектуальной истории. Другая задача – обозначить основные направления последних изменений.

Расширение границ междисциплинарности интеллектуальной истории (не только лингвистика, филология, политические науки и философия, но и антропология, культурология, социология, неоколониальные исследования, новая история империй, теория перевода).

Стремление преодолеть надоевшие дихотомии, которые больше не кажутся плодотворными (интеллектуальная история vs социальная или культурная история, высокое vs низкое, наука vs искусство).

Утверждение глобальной интеллектуальной истории, для которой очевидно стремление выходить за границы непосредственных контекстуальных ограничений не только времени, но и пространства. Как Артур Лавджой показал когда-то, что изучая идеи, можно преодолевать дистанцию во времени, так современные представители истории идей и/или понятий вводят географическое измерение, позволяющее отслеживать путешествия слов и концептов в пространстве культур, возникновение в ходе трансферов новых значений и новых политических и бытовых реалий, роль агентов перевода.

Самокиш Анна Викторовна

*канд. ист. наук,
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург)
tomasina84@mail.ru*

Между естествознанием и краеведением: взаимодействие ученых разных специальностей на экскурсионных станциях Петрограда

Феномен возникшей в первые годы системы Экскурсионных биологических станций стал одним из ярких проявлений как педагогических поисков первых лет Советской власти, так и попыток симбиоза науки и образования, продолживших традиции, заложенные еще до Революции. Несмотря на заявленные цели организации знакомства детей с природой и освоения в первую очередь дисциплин, связанных с естествознанием, экскурсионные станции являлись одним из способов выживания профессиональных ученых в сложные годы Гражданской войны, часто обладая лучшими возможностями по снабжению, чем некоторые научные учреждения. Кроме того, некоторые станции являлись своего рода культурными центрами, сосредотачивавшими вокруг себя представителей различных научных специальностей, а также деятелей культуры. Путь от единичного «тестового» учреждения к развитой системе, а затем постепенное сворачивание на первый взгляд успешно проекта шел в контексте событий, происходивших и в научно-педагогической среде, и, несомненно, зависел от общеполитических коллизий в стране. Педагоги и ученые-естественники активно взаимодействовали с учеными гуманитарного профиля, сотрудничая в изданиях (журнал «Экскурсионный вестник», серия «Экскурсионная библиотека»), выступая на экскурсионных конференциях. Краеведческое движение 1920-х годов не было централизованным, но было наполнено разнообразными внутренними связями, в системе которых были и Экскурсионные биологические станции, некоторые из которых просуществовали вплоть до начала 1930-х гг., захватив весь «золотой век краеведения» и наравне с другими учреждениями став у истоков современных экскурсионных методов и позволив ученым и педагогам работать, выступать, сотрудничать.

Синельникова Елена Федоровна

канд. ист. наук

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

(Санкт-Петербург)

sinelnikova-elena@yandex.ru

Революционная повседневность научных обществ Петрограда

Научные общества, всегда игравшие важную роль в организации науки в стране, продолжали работу в революционном Петрограде. В тяжелых условиях холода и голода, ученые находили в себе моральные и физические силы приходить на научные заседания, которые были перенесены на дневное время, так как не всегда была возможность пользоваться электрическим освещением, а на улицах города вечером было небезопасно. Более того, простое перемещение по городу было проблематично из-за отсутствия транспорта. Общие собрания для научных обществ становились практически единственной доступной формой работы, выполняющей информационную функцию в отсутствие возможности печатания научных трудов и получения литературы из-за границы.

Однако организация заседаний требовала немалых затрат. После Октябрьской революции и национализации банковской системы научные общества лишились своих капиталов и были вынуждены обратиться в советские властные органы за субсидиями. Кроме того, помещения необходимо было отапливать и освещать. В решении материальных проблем: получения дров, керосина, пайков и т. п. также помогали властные органы. Помимо этого, научным обществам приходилось отстаивать свои помещения от посягательств многочисленных клубов, кружков и т. п. Обеспечение функционирования научных обществ требовало от их руководителей постоянной переписки с чиновниками от науки, посещения местных органов Наркомпроса, частых поездок в Москву, что отнимало много сил и времени.

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект №18-011-00730

Одной из печальных характерных черт революционной повседневности петроградских научных обществ было значительное сокращение как количества самих организаций, так и числа их членов. Дело в том, что многие ученые уезжали из голодного Петрограда в провинциальные города, надеясь там подкормиться, другие подвергались репрессиям, третьи погибали от голода и болезней.

В целом сопровождавшие революцию социальные, политические и экономические потрясения сильно повлияли на течение жизни научных обществ Петрограда, которая хотя полностью не замерла, но резко сократилась.

Слискова Валерия Викторовна

студент

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

valeriya.sliskova@mail.ru

Популяризация открытий биомедицины в 1920-е гг.

Революция 1917 г. поставила связанные между собой задачи создания нового общества и «нового человека». В силу сциентистского дискурса эпохи единственно возможным средством их достижения виделась наука: при этом особый вклад в решение проблемы могли внести дисциплины естественного профиля¹. Так, медицина и биология приобрели в начале 1920-х гг. экспериментальный характер и образовали единую область научных знаний о человеческом организме – биомедицину. Утопические идеи, опирающиеся на концепцию «нового человека», пронизывали ее экспериментальное пространство: ученые подробно изучали человеческий организм, проводили ошеломляющие эксперименты. Их целью было найти тот самый механизм, с помощью которого преобразование человека станет возможным.

Кроме того, идея создания «нового человека» оказала влияние не только на развитие самой науки, но также способствовала ее популяризации. Ознакомление населения с научными открытиями современности составляло важную часть политики «ликвидации неграмотности». В 1920-е гг. для распространения научных идей, правительство учредило систему частных и кооперативных издательств, с 1922 по 1924 гг. резко выросла численность книжных магазинов². Широкие слои населения проявили интерес

¹ *Большакова О.В.* Формирование нового человека: Биомедицинские науки в России XX в. // Наука в СССР: Современная зарубежная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. отд. истории; Отв. ред. О.В. Большакова. М., 2014. С. 48.

² *Andrews J.T.* Science for the masses: the Bolshevik state, public science, and the popular imagination in Soviet Russia: 1917–1934. Texas University Press, 2003. P. 64.

к области научных открытий и экспериментальных исследований. Возник спрос на периодические печатные издания – газеты, журналы, брошюры – основные источники популяризации.

Заинтересованность читателя в получении знаний поддерживалась широким выбором периодических изданий. В газетах и журналах помещались специальные разделы, в которых публиковались статьи о научной деятельности и открытиях советских и зарубежных ученых. В качестве наиболее ярких примеров можно привести статьи об исследовательской деятельности профессора С.А. Воронова, французского ученого российского происхождения³, опытах советского физиолога С.С. Брюхоненко⁴, публикация доклада профессора Н.К. Кольцова в «Евгеническом обществе»⁵, а также отчеты о просветительской работе в области биомедицины⁶.

Таким образом, правительство старалось ознакомить и заинтересовать население в научном знании различными способами: от публикаций научных докладов и статей исследователей до организации просветительских лекций «на предприятиях, в домах коммун и жилтовариществах»⁷.

³ Поездка доктора Воронова в Африку // Известия. 1925. № 2. С. 6; Новые опыты доктора Воронова // Огонек. 1926. № 36. С. 4; Может ли обезьяна родить человека? // Огонек. 1926. № 39. С. 4.

⁴ Наука, побеждающая смерть // Вечерняя Москва. 1928. 20 сен. С. 1.

⁵ *Кольцов Н.К.* Тайна гения и таланта // Вечерняя Москва. 1926. Окт. (№ 245). С. 3.

⁶ Что сделано санпросветом // Вечерняя Москва. 1925. Июль (№ 172). С. 3.

⁷ Там же.

Смирнов Юрий Николаевич

д-р ист. наук, проф.

*Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С.П. Королёва*

(Самара)

smirnov195503@yandex.ru

Модернизация социальной
и культурной памяти провинциального дворянства
в середине XIX в.: от артикуляции к литературе,
из семьи на публику

В общественной реакции на выход в свет в 1856–1858 гг. автобиографической трилогии С.Т. Аксакова выделяется литературный ответ их соседей-помещиков Рычковых, выведенных в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» под фамилией Рожновых. Им стал «Отрывок из семейных записок Рожновых», опубликованный в 1862 г. в журнале «Библиотека для чтения» Н.А. Рычкова, который принял предложенные «правила игры», воспользовавшись аксаковскими переименованиями фамилий и географических названий.

Не сравнивая художественные особенности и достоинства классических произведений отечественной прозы с повестью малоизвестного автора, тем не менее, обнаруживаем пространство, в котором провинциальный дворянин с полным правом вел спор с выдающимся представителем «золотого века русской культуры». Таким местом спора стали семейные предания, в которых артикулировалось и передавалось вербально от поколения к поколению то, что сейчас часто называется «устной историей». В данном случае речь шла об исторической традиции дворянских родов, обосновавшихся в своих «гнездах» за Волгой и на Южном Урале, которая до наших дней не дошла, не пережив бега времен и катаклизмов истории. О ней теперь можно судить только по письменным памятникам, в которых свидетельства прошлого были литературно обработаны.

Проведенный анализ показал, что «Отрывок» Н.А. Рычкова не является простым подражанием маститому литератору, а представляет уникальную возможность сверить факты и сопоставить предания о прошлом двух самых видных дворянских родов

Заволжья, «Багровых» – Аксаковых и «Рожновых» – Рычковых, вынося их на публику. Такое сопоставление оказалось полезным для разработки различных вопросов исторического источниковедения.

Определение творений С.Т. Аксакова как автобиографических не совсем верно, а к тексту Н.А. Рычкова вовсе не применимо. Повествование в них одинаково ограничено рамками последних десятилетий XVIII – первых лет XIX в., когда авторы еще не родились, а один из них был очень мал. В результате, содержание этих произведений в значительной мере или полностью почерпнуто из устной семейной традиции, оно было не «увидено», не «прочитано», а именно «услышано». Вероятно, устная традиция многих других дворянских родов была не менее интересной, но не у всех, как у Аксаковых или Рычковых, нашлись те, кто захотел и смог запечатлеть эту традицию в письменном виде.

«Отрывок» Н.А. Рычкова снимает последние сомнения в том, что в аксаковской прозе отражены реальные факты, сохранившиеся в устном предании. Взаимопересекающиеся события и факты повествований в произведениях двух писателей дополняют и подтверждают друг друга, хотя и сопровождаются спорами о причинах и оценках произошедшего. Невероятная, казалось бы, детальность аксаковского повествования о прошлом, оказывается не столь уж редким явлением для определенного социального круга. Вслед за великими произведениями С.Т. Аксакова «Отрывок из семейных записок Рожновых» скромно и без особого блеска, но, тем не менее, вполне достойно расширяет наши представления о реальных обитателях «дворянских гнезд» в заволжских и уральских степях, их повседневности и родовой памяти. Его с полным основанием можно считать забытым незаслуженно, а вместе с «багровской» трилогией представляет ценность для разработки вопросов исторической памяти, повседневности, ментальности, а также истории русской литературы и других гуманитарных дисциплин.

Собисевич Алексей Владимирович

канд. геогр. наук, ст. науч. сотр.

Институт истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова

(Москва)

sobisevich@mail.ru

«Конструктивная география»:
новое направление об изучении
и преобразовании природной среды
в Советском Союзе

В 1981 г. в журнале «Известия АН СССР. Серия географическая» (№ 2) была опубликована статья «Научная методология советской конструктивной географии». Автор статьи директор института географии АН СССР, академик И.П. Герасимов обобщил опыт по разработке нового направления советской географии, направленного на преобразование природной среды и изучение различных аспектов взаимодействия природы и общества. Разработанное научное направление по своей сути являлось прикладным, однако он подчеркивал, что оно скорее является интегральным, объединяя достижения географических и смежных наук в эпоху научно-технической революции.

Обосновывая создание нового научного направления И.П. Герасимов подчеркивал, что старается обеспечить взаимодействие природоведческих (физико- и биогеографических) и обществоведческих (социально- и экономгеографических) компонентов географической науки. В рамках развития новой теории им планировалось применение новых методов таких фундаментальных наук как математика, физика, химия и биология, а проводимые исследования должны были иметь комплексный характер. Подчеркивалась важность того, чтобы конструктивные исследования опирались на марксистско-ленинское учение о законах развития общества и его воздействия с природой.

Сходные конструктивные идеи высказывали такие известные географы как А.А. Григорьев, В.Б. Сочава, Д.Л. Арманд и В.С. Преображенский. Примечательно то, что В.Б. Сочава являлся основоположником собственного научного направления – учения о геосистемах. В ряде случаев, эти два направления конкуриро-

вали друг с другом. С распадом Советского союза необходимость в масштабном преобразовании природной среды потеряла свою актуальность, а устремления И.П. Герасимова к тому, чтобы конструктивная география заняла ведущее место в исследовании природной среды – не осуществились. Его конструктивные идеи в переработанном виде стали основой для современных исследований сотрудников института географии РАН. В то же время учение о геосистемах В.Б. Сочавы, ориентированное на исследование геохимических особенностей ландшафта, получило всемирное признание.

Соболев Владимир Семенович

*д-р ист. наук
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
(Санкт-Петербург)
vlad_history@mail.ru*

Синельникова Елена Федоровна

*канд. ист. наук
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
(Санкт-Петербург)
sinelnikova-elena@yandex.ru*

Журнал «Мысль» в контексте возрождения русской философии в начале 1920-х гг.

Научная периодика являлась важной составляющей инфраструктуры философии в процессе ее институционализации в России, начавшемся в последнее десятилетие XIX в. Однако, из-за революции 1917 г. все скромные результаты, достигнутые в этом направлении в России, оказались практически уничтожены. После окончания Гражданской войны началось возрождение русской философии, одним из ярких свидетельств которого стало издание журнала Петроградского философского общества «Мысль». Общество, созданное в 1897 г., после трехлетнего перерыва, вернулось к работе в феврале 1921 г. Редакторами журнала стали Э.Л. Радлов и Н.О. Лосский. Наряду с известными учеными – членами общества, в журнале печатались и молодые философы Петрограда. В журнале публиковались доклады членов общества, прочитанные на его заседаниях; статьи; материалы по библиографии и критике новой русской и иностранной философской литературы; хроника событий в мире философии. Ценным являлось и то, что в журнале печатались сообщения о созданных

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-00003.

в провинции философских обществах. Тираж журнала был невероятно большим для того времени и составлял 4000 экземпляров.

Журнал «Мысль» стал уникальным событием в научной жизни Советской России и был высоко оценен в эмигрантской научной периодике. Тем не менее, Философскому обществу удалось выступить только три номера журнала в первой половине 1922 г. Еще один выпуск был подготовлен в июне 1922 г., но, в связи с закрытием журнала Советской властью, выпущен не был. Летом того же года в России начались аресты представителей оппозиционно-настроенной интеллигенции, а затем советское правительство приступило к высылке неугодной интеллигенции из России. Были высланы и активные члены Философского общества Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, В.Э. Сеземан. Общество и редакция журнала понесли невосполнимые потери. Однако официально о прекращении работы общества было объявлено 3 мая 1923 г.

За короткий период возрождения Петроградскому философскому Обществу удалось стать подлинным центром философии в стране, и это отразилось в истории издания журнала «Мысль».

Сорокина Марина Юрьевна

канд. ист. наук

Дом русского зарубежья

им. Александра Солженицына

(Москва)

msorokina61@gmail.com

Российское научное зарубежье:
новая экспериментальная площадка
отечественной гуманитаристики?

Изменения, произошедшие в дисциплинарной и организационной структуре отечественной науки после кризисных 1917–1922 гг., в наибольшей мере охватили именно гуманитаристику, если под ней понимать систему институций гуманитарных наук, сложившихся в России к 1917 г. в рамках Императорской академии наук, университетов и научных обществ. Хорошо известно, хотя и недостаточно артикулировано в историографии последних десятилетий, что «революционный импульс» прежде всего стимулировал трансформацию и поистине гигантское по масштабам и динамике развитие наук естественно-научного и математического циклов, в частности и прежде всего, в рамках системы новой – советской – Академии наук. Кажется, что на этом фоне гуманитарные науки или совсем «увядали» (например, славистика), или переходили в новую ипостась (психология, юриспруденция и др.). Влияло ли на эти изменения появление нового научно-организационного феномена рассматриваемого периода – эмигрантского «российского научного зарубежья», – главный вопрос нашего сообщения. В какой мере и в каком направлении наука «диаспоры» влияет на науку «метрополии» и наоборот, вопрос исключительно актуальный для современной повестки дня и исторические аллюзии представляют интересный материал для его решения.

Сукина Людмила Борисовна

д-р ист. наук, доц.

Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН

(Переславль-Залесский)

lbsukina@gmail.com

Междисциплинарность в исследованиях истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени

Культурная история, как направление современной исторической науки, появившееся в конце XIX в. и выступающее с последней трети XX в. в качестве автономного проблемного поля профессионального исторического знания (Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 240–242), изначально практиковала междисциплинарный подход к исследованиям. В процессе становления она усваивала методы «смежных» социальных и гуманитарных наук. Ее развитие на Западе неоднократно привлекало и продолжает привлекать внимание как зарубежных, так и отечественных специалистов (П. Берк, Л.П. Репина и др.). Однако история русской культуры как субдисциплина исторического познания пока, по большей части, остается за рамками теоретического осмысления. В настоящем докладе предполагается рассмотреть проблему реализации практики изучения русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени.

ИмPLICITная междисциплинарность была свойственна уже отечественной национально-культурной истории второй половины XIX–начала XX в., сформировавшейся под влиянием немецкой философии, истории и филологии, но обладавшей в условиях российской социокультурной действительности собственными специфическими чертами (Ф.И. Буслаев, Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, М.О. Коялович, В.О. Ключевский и др.).

Новый этап осмысления истории культуры был связан с неокантианским поворотом в гуманитарных науках, влиянием работ В. Дильтея и социологических теорий. Он ознаменован, в том числе, «Методологией истории» А.С. Лаппо-Данилевского, реализовавшего методологический принцип признания «чужой

одушевленности» в исследованиях русской культуры XVII–XVIII вв., и концепцией «культурной истории» П.Н. Милюкова.

Во второй половине XX в. история русской культуры означенной эпохи культивировала, преимущественно, подходы, практиковавшиеся в истории литературы (Д.С. Лихачев, А.Н. Робинсон, Л.А. Дмитриев и др.). Но в последней трети XX в. все большим влиянием начинают пользоваться принципиально междисциплинарные антропология, семиотика, феноменология. Несколько особняком стоят работы Б.И. Краснобаева, представлявшего русскую средневековую культуру как систему, опирающуюся на «человеческую деятельность», и Л.А. Черной, которая позиционирует свой авторский подход как «философско-антропологический».

Историки русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени на протяжении более чем вековой истории исследований в этой сфере неоднократно прибегали к философской методологии и методам психологии, социологии, семиотики, литературоведения и искусствоведения. Междисциплинарность реализована в сотнях работ, посвященных частным вопросам и отдельным памятникам культуры. Однако в многообразии практикуемых методов, заимствованных у других дисциплин, кроется и серьезная, отмечаемая исследователями, склонными к обобщениям, проблема синтеза добытого знания.

Тихонов Виталий Витальевич

канд. ист. наук, доц., ведущ. науч. сотр.

Российский государственный гуманитарный университет

Институт российской истории РАН

(Москва)

tihonovvitaliy@list.ru

М.В. Нечкина
и русская интеллектуальная революция
первой трети XX в.

Доклад будет посвящен анализу раннего научного творчества М.В. Нечкиной (1920-е гг.) в контексте русской интеллектуальной революции первой трети XX в.

Становление Нечкиной как исследователя пришлось на социально-политическую, интеллектуальную, научную и культурную революции, которые мир переживал в первой трети XX в. Их чертами являлись индустриализация, демократизация, массовизация, рационализация, переход к неклассической модели научного познания. В российских условиях это накладывалось на культурный взрыв Серебряного века, утверждавшего приоритет личного начала.

Особый интерес начинающего историка вызывали социология и психоанализ. На их основе она попыталась построить оригинальную модель исследования истории исторической науки, основой которой должно было стать внимание не только к чистому знанию, а к «историку как творческой личности». К сожалению, в опубликованных трудах Нечкиной данный подход, получивший название «теория индивидуальной среды», не был подробно обоснован и даже не упоминался.

В предполагаемом докладе на основе архивных документов будет предложена реконструкция указанной теории, а также проанализирована конкретная исследовательская практика, нашедшая выражение в ее ранних историографических исследованиях, посвященных экономическому материализму и научному творчеству В.О. Ключевского.

Фадеева Марина Владиславовна

аспирант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва)

marina.fadeeva.o@gmail.com

Дневники умирающих:
опыт реконструкции
и попытка экзистенциального анализа

Самоописания умирающих – существующие в виде блогов, публикующихся в режиме реального времени или опубликованные в виде историй, завершившихся со смертью рассказчика – оказываются в условиях табуированности темы смерти современным способом вернуть смерть в публичное поле, напомнить о реальности и неизбежности смерти, инициировав благодаря личному восприятию смерти и вопрос о более персональном восприятии жизни. В этом противоречии культурного восприятия смерти самоописания позволяют увидеть умирающего человека и в его интимности, и в его влиянии на пространство публичного.

Самоописания, опубликованные в виде книг, становятся бестселлерами, за судьбой людей, умирающих в режиме реального времени, следят сотни и тысячи подписчиков. Самоописания оказываются значимы не только для авторов этих текстов, но и для куда более широкого круга людей – могут быть полезны умирающим и их родственникам, психотерапевтам, работающим с клиентами, столкнувшимися с собственным умиранием.

Различными психологическими школами самописание издавна рассматривалось как один из источников рефлексии и самопознания. Такие эго-документы, как мемуары, дневники, письма становились основой для изучения и реконструкции внутренней жизни человека.

Целью доклада будет попытка выявления и анализа представленных в текстах самоописаний содержания, отражающего психологическую и экзистенциальную значимость процесса написания текстов. Реконструкция жизни совсем недавно умерших авторов позволила применить теорию экзистенциального анализа к свидетельствам их жизни и умирания.

Федорова Людмила Львовна

канд. филол. наук, доц.
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва)
lfvoux@yandex.ru

Яковлева Светлана Анатольевна

д-р филол. наук, проф.
Центр иностранных языков
факультета высшего образования Арагон
Национального автономного университета Мексики
(Мехико)
svietaiak@yahoo.com

Образы женщины в диахронии и межъязыковых сопоставлениях (по лексикографическим источникам)

В докладе предполагается остановиться на изменении лексикографических представлений концепта женщина (*la mujer*, *la femme*) в русских, испанских и французских словарях XVIII–XXI вв. Определения показывают развитие значения от «самки человека» до человеческого существа, лица, характеризующегося рядом качеств – в противоположность мужчине.

В русском языке *женщина* производно от *жена*, которое имеет то же исходное значение ('лицо, противоположное по полу мужчине'), и производное значение – 'супруга' (аналогично паре *мужчина – муж*)/ Еще у Даля «жена – женщина, супруга, баба». Сейчас эти значения разделились. Для испанского и французского языка оба значения совмещены в одной форме. В классическом наутле эти значения принадлежат разным словам: *cihuatl* 'женщина', *oquichhuah* 'имеющая мужа, замужняя'.

Женщина мыслится как продолжательница жизни, способная рожать и кормить детей, что отмечают современные французские и русские словари; в испанском выделяется признак «взрослая». Классический наутль передает подобное значение в лексеме *cone-huah* 'имеющая ребенка', т.е. мать (но слово *мать* *nantli* используется лишь в possessивной форме – напр., 'моя мать' *nonan*).

Женщина определяется как носительница особых «женских» качеств, ср. исп. *Muy mujer!* (В современном мексиканском обществе обсуждается вопрос: женщиной рождаются или становятся?) По внешним атрибутам в науатле женщина описывается биномом: *in huipil in cueitl* ‘рубашка-юбка’. «Женская» природа отражается в выборе имен: в науатле, языке, лишенном грамматического рода, в женских именах часто используются образы цветов, птиц, драгоценностей. Так, целый ряд сложных ацтекских имен включают основу *xochitl* ‘цветок’. Многие традиционные ацтекские имена (а также имена других индейских народностей) пользуются популярностью в настоящее время, нередко в паре с испанскими, в современном мексиканском обществе при имянаречении. Это может свидетельствовать о переплетении культур, совмещении традиций.

Харитонов Александр Михайлович
*научный сотрудник
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
(Владивосток)
mavr@tig.dvo.ru*

Историческая география или географическая история?

Современная историческая география потеряла свое законное место в системе исторических наук. Действительно, историки причисляют ее к числу вспомогательных исторических дисциплин, а географы склонны считать самостоятельной наукой на стыке истории и географии. В результате законное место исторической географии оказалось занято . . . геополитикой.

Вероятная причина сложившейся ситуации – ошибки античной географии, которая считала необитаемыми земли холодного и жаркого климатических поясов земли. Но если арабские географы, открывшие миру обитаемость жаркого пояса со всем уважением продолжали относиться к достижениям античности, то европейские историки нового времени, исходившие из обитаемости холодного пояса, отринули знания греческой географии и заменили их своими географическими познаниями о севере Европы с опорой на знания нового времени.

В результате территории, которые античная география просто обязана была размещать в пределах южной античной ойкумены, оказались передвинуты далеко на север. Особенно сильно это задевает интересы отечественной истории.

Между тем, картография отмечает, что первая карта Скандинавии появляется только в 1427 г., а карты центра и севера Русской равнины еще столетием позже. Ведь картографии раннего средневековья было известно только Причерноморье! Арабская география знает Русь, но не знает земель севернее реки Дон. Практически неизвестен арабам Крым.

Если исходить из понимания, что Древняя Русь с общегеографической точки зрения средневековья могла быть только Причерноморской, то решается ряд интересных географических проблем востоковедения. Так, из трех центров Древней Руси уверенно определяют только Куяву-Киев. Но Славии в Причерноморье

известны европейской средневековой географии на Балканах (города Дунайской Булгарии более поздний отечественный источник считает Русью), а Арта (Арса) тогда, скорее всего – Орда (она же скандинавское название Руси – Гарды). Получается, что арабская география Русь знает лучше, чем ее скандинавские коллеги, а не наоборот!

В этом нет ничего удивительного. Ведь арабский географ Идриси рисовал карту мира для норманнского владыки, а не пользовался их готовой заготовкой. Да и изображение Индийского океана с карты араба узнается на карте, приписываемой Птолемею. На самом деле последняя создана гораздо позднее, чем жил Птолемей, что отмечал еще картограф Л. Багров.

Все это свидетельство того, что нас ждут немалые открытия и «закрытия» в географической истории, стоит ей вспомнить об общегеографических принципах географии средних веков.

Хивинова Дарья Андреевна

аспирант

*Российский государственный
гуманитарный университет*

(Москва)

hivinova.daria@ya.ru

Международные проекты по защите детства в Гватемале

В докладе представлен обзор книги автора «Международные проекты по защите детства в Гватемале».

Современный мир проходит сложный период смены парадигмы, навязывания вредоносной идеологии глобализма клубом G7, и социальной нестабильности практически в любой точке земного шара. Однако страны Латинской Америки, хотя они остаются «отдаленными» от глобальных процессов, оказываются достаточно поврежденными – не только экономически или политически, но также во многих других общественных сферах. Самое драматическое, что в этом состоянии общественного стресса появляется менее защищенное звено – дети. Дети остаются полностью незащищенными против агрессии, что показывают трагические недавние случаи, произошедшие в Гватемале.

Эта книга представляет результаты полевых исследований 2017 г., посвященных изучению международных проектов защиты детства в условиях исторического современного пространства, современного преобразования понятия детства, необходимости развития междисциплинарных подходов в этой теме. Рассматриваются направления деформации процесса социализации личности современного ребенка. Проводится анализ международных документов, которые гарантируют соблюдение и защиту прав детей, а также обзор и анализ международных проектов по защите детства в Гватемале.

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454)

Ходнев Александр Сергеевич

*д-р ист. наук, проф.
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
(Ярославль)
khodnev@yandex.ru*

«Недисциплинированная» междисциплинарность: публичная история и ее практики

Мы все больше убеждаемся в том, что существует много «историй» как областей знания. Анализ практик коммуникаций в столкновении разных историй помогает понять, как государство присваивает и трансформирует народные воспоминания в свою официальную историю, а также и то, как общество встраивается в эти практики или сопротивляется им, поддерживая или отвергая общенациональные образы, приобретающие разнообразные значения, вытекающие из локальных контекстов.

Публичная история появилась в США в середине 1970-х как попытка найти новые возможности трудоустройства выпускников университетов, получавших степень профессионального историка. К этому времени были уже заполнены места на кафедрах, в департаментах и центрах изучения истории при университетах, и появления новых вакансий не ожидалось. Историки провозгласили новое направление подготовки студентов: музейное дело, работа с общественностью, с широкой публикой и др.

На рубеже 1980–1990 гг. в США стали активно изучать историческую память и использование истории в различных областях культуры. Вследствие этих дискуссий публичная история из сферы интересов университетов, заботившихся о местах работы для своих выпускников, переместилась в поле серьезных отношений истории с широкой общественностью, культурных достижений и неудач, проблем формирования американской идентичности с использованием истории.

Наконец, публичная истории стала международным движением. Это признак глобализации, признак постиндустриального уровня развития общества. Публичная история стирает границы, однако далеко не все. Формы подачи материала остаются национальными, связанными с лингвистическими возможностями,

а также особенностями коммуникации социальных групп, институтов государства, университетов, новых медиа. Специфика этих контекстов и практик должна находиться в фокусе изучения профессиональных историков.

В 2007 г. в США появилось определение публичной истории как «движения, методологии и подхода, который развивает совместное изучение и практики истории». Обратим внимание на то, что дефиниция, предложенная НСПИ не упоминает о некоей субординации или противопоставлении академических историков и широкой публики. «Движение» – это не предметная область истории и не дисциплина в общепринятом понимании. Речь идет о том, чтобы соблюдалось уважение в ходе совместного изучения истории, и академические историки должны быть ближе к современным средствам коммуникации, передачи идей, полезных для общественности. Переводя все это на обычный язык, получается, что публичная история – это история которая рождается за пределами академического мира, часто появляется «снизу» в виде новых образов исторической памяти и использует понятные широкому кругу современников способы и формы передачи этой памяти в контексте новых средств коммуникации.

Холматов Темурмалик Комилджонович

магистрант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва)

xolmatov94@mail.ru

Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевской

В середине – второй половине XX в. историческая география вышла на новый уровень как по своему дисциплинарному статусу, так и по характеру междисциплинарных взаимодействий. Существенный вклад в обновление исторической географии внесли В.К. Яцунский (1893–1966) и его ученица О.М. Медушевская (1922–2007).

В своем научном творчестве В.К. Яцунский уделил внимание трем проблемам исторической географии: истории ее формирования как вспомогательной исторической дисциплины, разработке ее теоретических аспектов (цель, задачи, предмет и объект исследования исторической географии) и выявлению корпуса источников, релевантных ее проблематике.

Несмотря на то, что историческую географию В.К. Яцунский рассматривал как дисциплину, относящуюся, прежде всего, к исторической науке, разработанные теоретико-методологические основы исторической географии позволили ему расширить область ее применения. Он подчеркивал ценность исторической географии не только со стороны исторической науки, но и географической, особенно для изучения ее экономических аспектов.

Неразрывно с научной была связана преподавательская деятельность В.К. Яцунского, которая включала в себя не только ведение учебных дисциплин в высших учебных заведениях, но и деятельность в качестве научного руководителя аспирантов. Одной из его учениц стала О.М. Медушевская, чья научная деятельность начиналась с изучения проблем исторической географии и картографии.

Преимственность историко-географических взглядов от В.К. Яцунского наблюдалась уже на раннем этапе научного творчества О.М. Медушевской. Особенно эта преимственность

проявилась в ее исследовании теоретико-методологических аспектов исторической географии и разработке программы курса дисциплины. При деятельном участии О.М. Медушевской в середине 1980-х гг. было восстановлено преподавание исторической географии в Историко-архивном институте, начатое В.К. Яцунским в 1943 г.

Именно в результате научного творчества В.К. Яцунского и О.М. Медушевской историческая география стала рассматриваться как дисциплина, основой которой являлось тесное взаимодействие природной среды и человеческой деятельности в прошлом.

Черная Людмила Алексеевна

д-р ист. наук, проф.

Московский государственный

академический художественный институт

им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств

(Москва)

tchernie@rambler.ru

Повседневная жизнь первых царей из дома Романовых: междисциплинарный анализ

Изучение повседневной жизни возможно только на основе междисциплинарного анализа, в котором переплетаются история культуры, историческая антропология, историческая психология, социология.

В докладе проводится сравнительный анализ повседневной жизни первых царей из дома Романовых: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича. Ставятся вопросы:

1) что определяло их отношение к тому или иному пониманию и исполнению «царева чина» в каждодневной действительности;

2) какое влияние на их повседневную жизнь оказывал переходный характер русской культуры от Средневековья к Новому времени;

3) какую роль каждый из первых Романовых играл в переходном процессе русской культуры, опережая или, напротив, тормозя его развитие, и как это отразилось в повседневной жизни самих московских государей.

В докладе сравнивается круг занятий, царские выходы и выезды, приемы иностранных послов, пиры и застолья, охота, семейные празднества и будни, паломничества, круг чтения, увлечения и развлечения. К анализу привлекается самый широкий круг исторических источников. Большую помощь в понимании логики поведения, организации и проведения тех или иных царских каждодневных занятий оказывают психологические портреты первых царей из дома Романовых, составленные их современниками. Также весьма ценным источником по теме исследования стали письма Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

В результате исследования мы приходим к выводу, что первый монарх из дома Романовых, царь Михаил Федорович был психологически не подготовлен к исполнению «царева чина», кроме того в силу своего нерешительного характера в повседневной жизни оставался боярином средней руки с весьма простыми вкусами и запросами. Его сын Алексей Михайлович, напротив, глубоко проникся сознанием значимости своей миссии «наместника Бога на земле» и подчинил весь свой повседневный быт соблюдению «царева чина», что прослеживается как в его поступках, так и в рассуждениях (предисловие к «Уряднику сокольничья пути», письма и др.). Феодор Алексеевич имел в своем характере и скромность деда и «чинность» отца. Его повседневная жизнь показывает, что он имел в себе силы принимать неординарные решения и поступать по-своему, не поддаваясь влияниям придворного окружения.

Чеснокова Наталия Алексеевна

*Российский государственный
гуманитарный университет*

(Москва)

chesnatalie@gmail.com

«Между строк»: значение географических трудов
в определении культурно-исторического
развития Кореи в XVII–XVIII вв.

(на примере «описания избранных деревень»
(*тхэнниджи*, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?))

XVII в. – сложное время для корейской государственности. Страна переживала последствия разрушительной корейско-японской Имджинской войны (1592–1597), а затем – два нашествия маньчжур (1627 г. и 1636–1637 гг.), в результате последнего из которых стала вассалом маньчжурской династии Цин. Корея была неспособна в одночасье справиться с военной мощью Цин, но после неудачной подготовки «похода на север» в 1650-х гг., более попыток собирать войска не предпринимала. В связи с этим среди историков-корееведов широко распространено мнение о том, что сопротивление маньчжурам едва продлилось до конца XVII в., а затем Корея приняла свое «подчиненное положение» и свылась с унизительной ролью данника «варваров» в синоцентрической модели мира.

Действительно, корейские правители исправно платили дань, привечали послов согласно всем ритуалам и направляли войска, если Цин того требовали. Но если мы посмотрим не на формальное соблюдение дипломатических отношений, а глубже, то увидим, что корейские правители, а вместе с ними (и зачастую под их руководством) – интеллектуальная элита, вплоть до начала XIX в. выражали свой недвусмысленный протест по отношению к маньчжурскому господству. Заключался он, согласно нашей гипотезе,

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ (проект № 18-39-00158 «“Освоение” и “присвоение” пространства: формирование корейской этнической самоидентичности в XVII–XVIII вв. через реорганизацию культурного пространства региона»)

в создании новой концепции культурного пространства региона, где Корею отводилось центральное положение.

Проследить данный процесс возможно в первую очередь через географические труды. В дальневосточной культуре они не просто фиксировали границы государства, но и символически «закрепляли» земли под рукой монарха. В качестве примера обратимся к историко-географическому памятнику «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.). Данный памятник интересен тем, что, во-первых, написан в жанре *чибанджи*, предполагающим свободу творчества автора; а, во-вторых, своими популярностью и влиянием, оказанным на более поздние официальные географические труды.

Произведение рассматривает все восемь провинций, из которых на тот момент состояла Корея, связывая их посредством общего исторического и культурного наследия. Ли Джунхван акцентирует внимание читателя на долгом положительном взаимодействии между Кореей и Китаем. Наше исследование призвано ответить на вопрос: как согласуется официальная политика государства и ее отражение в неофициальных исторических сочинениях, в частности – в «Описании избранных деревень».

Шалыгина Наталья Валентиновна

*канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)
etgender@mail.ru*

Междисциплинарный дискурс этногендерных исследований в России

Становление этногендерных исследований в российской науке формально относится к началу 1990-х годов. Именно в это время (1992 г.) в Институте этнологии и антропологии РАН им. Миклухо-Маклая по инициативе молодых ученых-американистов и при активной творческой поддержке руководства Института ИЭА РАН было создано новое структурное подразделение «Сектор этногендерных исследований» (СЭГИ).

Можно выделить несколько основных направлений в использовании междисциплинарных методов гендерных исследований СЭГИ на протяжении всей истории его развития:

Этнография (кросс-культурные сопоставления полевого материал);

Физическая антропология (изучение эволюции гендерных особенностей населения России);

Историческая фамилистика (освещение этнорасовых проблем «мужского» и «женского» в Северной Америке, Центральной Америке и Южной Америке, особенности домашней жизни с точки зрения полоролевого поведения, городские и сельские нюансы отношений полов, частично – государственная политика в отношении семьи на американском континенте);

Этносоциология (изучение менталитета советских женщин накануне распада СССР; включение эногендерного проекта в феминистский дискурс, замещение концепции биологического детерминизма концепциями социального конструирования гендера);

Этнопсихология (исследование факторов насилия среди российской молодежи на основе теории драматургического интеракционизма Дж. Мида и И. Гоффмана; изучение ценностных трансформаций молодежи постсоветского периода в сфере брачных ориентаций и репродуктивного поведения);

Этнополитология (изучение реакций российской молодежи на западные ценности и формирования мировоззренческих позиций юношей и девушек в условиях глобализации)

Этноконфликтология (создание методологических основ этнокультурного консалтинга по отношению к юношам и девушкам, планирующим учиться и работать вне пределов России; классификация конфликтогенных факторов адаптации мигрантов в условиях инокультурной среды; разработка гендерно ориентированных техник по урегулированию этнокультурных конфликтов);

Микроистория (использование методологий изучения повседневности в исследованиях по «женской» и «мужской» истории);

Массмедиа (использование медийных технологий, включая пиар и рекламу, в качестве обязательных объектов при рассмотрении гендерных трансформаций в общественном сознании россиян).

Шустова Юлия Эдуардовна

канд. ист. наук, доц.

*Российский государственный гуманитарный университет;
Российская государственная библиотека (Москва)*

shustova@yandex.ru

Славянские названия месяцев в украинских печатных книгах XVII в.

Источников по истории народного календаря, эволюции славянских названий месяцев, различий названий месяцев в разных славянских землях сохранилось относительно немного. В православных богослужебных книгах использовался юлианский календарь и названия месяцев, соответственно, в них употреблялись заимствованные из латинского языка. Именно поэтому к богослужебным книгам в связи с изучением проблемы истории славянских названий месяцев практически не обращаются. Однако богослужебные книги могут дать богатый и весьма интересный материал для изучения этого вопроса. Так, весьма важными источниками для изучения славянских названий месяцев, бытовавших на территории Украины в XVII в., являются печатные Анфологионы, издававшиеся в Киеве, Львове и Новгород-Северске. Первый печатный Анфологион (Миня праздничная) на украинских землях был издан в типографии Киево-Печерской лавры в 1619 г. Славянские названия месяцев здесь встречаются в Оглавлении и колонтитулах. В Оглавлении дается собственно традиционное название месяца, его перевод с латинского языка, украинское и древнерусское название месяца. Однако эта формула соблюдается лишь для половины месяцев, а древнерусское название дается лишь для сентября: «септемврїе, сирѣчь седмый, рекомый вресень, по древних роуень». В колонтитулах иногда приводится два варианта названия того или иного месяца. Сводный корпус названий месяцев по киевскому Анфологиону следующий: вресень / роуень, листопад, грудень, студень, просинець, сѣчень / лютый, сухой / березозоль, березень / березозоль, травень, чръвць, чръвень / липець, сръпень / заревь.

Несколько отличаются от киевского корпуса названий славянских месяцев названия месяцев в изданиях Анфологиона, вышедших в типографии Львовского Успенского Ставропигийского

братства в 1638, 1643, 1651 и 1694. Львовские издания стали источником для издания Анфологиона, вышедшего в типографии черниговского и новгород-северского архиепископа Лазаря Барановича в Новгород-Северске в 1678 г. Во всех этих изданиях в Оглавлениях приводится традиционное название месяцев, их буквальный перевод с латинского языка и славянские названия. Только для сентября, как и в киевском Анфологионе, приводится современное для XVII в. и древнерусское название. Корпус названий месяцев по львовским изданиям следующий: вресень / руень, паздерникъ, листопадъ, студень, сѣчень, лютый, березозоль, цвѣтьень, май, червецъ, липецъ, серпень.

При сравнении двух этих корпусов названий месяцев мы видим некоторые различия. Вполне возможно, они объясняются различными традициями, существовавшими в разных районах. В львовском варианте особенно чувствуется влияние польского языка. Наличие вариантов названий месяцев в киевском анфологионе можно объяснить попыткой реконструкции древнерусских названий месяцев. Можно сделать вывод, что в разных районах украинских земель в XVII в. народные названия месяцев различались, испытывали влияние соседних языков, некоторые различия могут объясняться спецификой и отличий климата.

Таким образом, печатные Анфологионы XVII в. являются интереснейшими источниками по истории названий славянских месяцев и должны использоваться лингвистами, историками, культурологами для дальнейших изысканий в вопросах, связанных с изучением исторической хронологии, истории славянского месяцеслова и других важнейших проблем изучения славянской культуры.

Patricia Rivera Castillo¹

Licenciada

Centro de Estudios Mayas Yuri Knorosov – CEMYK (Guatemala)

patri.castillo@yahoo.com

Prácticas Ceremoniales en las Tierras Bajas Mayas, Guatemala²

Archaeological investigations in the Mayan Lowlands of Guatemala have provided interesting data on the development of both daily and sacred activities of the ancient Maya.

For the celebration of ceremonial activities, they relied on various elements; but the spatial was vital, since they carried out a symbolic spatial arrangement, because they considered certain mountains, caves, streams as sacred spaces, for that reason they built their own scenarios that they sacralized, so the creation of a territory implied imposing a certain order to space.

It is known that ceremonial practices involve activities carried out within a religious organization, which are manifested in the archaeological record through the disposition, nature and type of materials, through which the purpose of these ceremonies is deduced, which allows know the evolution of ceremonial patterns over time and that denote an important religious organization, these patterns are complex categorization and vary according to the type of ceremony.

Examples of findings observed in sites such as Tikal, Uaxactun, San Bartolo, Holmul or Xultun, have represented a challenge for their interpretation given the reported ceremonial diversity, so in this article there will be a tour of the main types of ceremonies reported in the Mayan Lowlands of Guatemala, where some of their ritual practices will be known.

¹ Licenciada en Arqueología por la Universidad de San Carlos de Guatemala. Posgrado en Conservación y Restauración del Patrimonio Cultural, por la Universidad de Alcalá de Henares, Madrid. Diplomado en Evaluación de Impacto Ambiental por la Universidad Complutense de Madrid. Participación como investigadora en varios proyectos arqueológicos. Actualmente investigadora del Centro de Estudios Mayas Yuri Knorosov y Co-directora Proyecto de Documentación Casa de Las Golondrinas.

² Investigación realizada gracias al financiamiento de CEMYK e IEIRA

Научное издание

СТЕНЫ И МОСТЫ – VII

Междисциплинарность:
что от историка требует,
что дает и что у него берет?

*Материалы
Международной
научной конференции*

Москва, 24–25 мая 2018 г.

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

*Материалы публикуются
в авторской редакции*

Подписано в печать 22.05.2018.

Формат 60 × 90^{1/16}.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,7.

Тираж 120 экз. Заказ № 163

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06